

Адвокат-нотариус Илья Вайсберг. Коренной Свердловчанин, 1965 года рождения. Выпускник с отличием Свердловского юридического института. В Израиле с 1991 года.

Адвокат Вайсберг является одним из ведущих специалистов в области гражданского права в сфере семейных отношений, наследственного права, недвижимости и вопросах, связанных с международным бизнесом. Выигранные дела адвоката Вайсберга не раз освещались на страницах прессы и на телевидении, так как являлись прецедентами Верховного суда.

Адвокат Вайсберг третейский судья и медиатор семейных судов, а так же на протяжении 20 лет является постоянным юридическим консультантом радио «РЕКи» в прямом эфире по юридическим вопросам.

Старший судья в коллегии адвокатов Центрального и Тель Авивского округа.

«У меня украли наследство»

С покойным Инга не расписывалась, но жили как муж и жена более 7-и лет. Жили хорошо. Оба познакомились в таком возрасте, когда дети уже взрослые и пришло время пожить в свое удовольствие. Однако дети покойного воспринимали Ингу как посягательницу на отцовское наследство. Посягать, правда сказать, было на что. Двух-уровневая квартира в тихом северном Тель Авиве, большая пенсия от банка, аренда от сдаваемой квартирры в Хайфе и солидные сбережения.

Инга сумела скрасить покойному последние годы. Добилась перевода из дома престарелых назад в квартиру. Он расцвел на глазах, ожил, стал вновь интересоваться всем, включая внуков, о существовании которых забыл после смерти жены и глубокого душевного кризиса после выхода на пенсию.

На наследство Инга и не претендовала. Она ведь понимала, что все это богатство нажито несколькими поколениями и тяжелым трудом покойного. Однако за последние годы привыкла «не считать копейку». Да и сама не сидела сложа руки, в доме все было идеально, и покойный был в полном порядке. Даже в Карловы Вары несколько лет ездили вместе. Единственное, что просила, это что бы покойный позаботился о ее проживании и помог купить небольшую квартирку.

Сказано-сделано. На своем дне рождения, в присутствии десятков гостей, глядя прямо в видеокамеру Он торжественно заявил, что хайфская квартирка отныне пренадлежит Инге. И даже написал это на какой то открытке со своей росписью и датой, которую тоже заснял оператор видео крупным планом, под восторженные аплодисменты собравшихся. Инга даже помнит, что ездили к адвокату на подпись каих то документов.

Однако, когда похоронили покойного вдруг оказалось, что хайфская квартира, как и все остальное наследство, переписана на ... сына покойного, а не на Ингу. А на утро Инга получила письмо от адвоката с посыльным, что если в течении 7 дней не освободит квартиру, то будет выдворена с полицией на улицу.

Так я познакомился с Ингой. Заплаканная, испуганная, не верящая никому и ни во что она сидела в моем офисе и сбивчиво, даже не рассказывала, а вспоминала ту спокойную, обеспеченную жизнь, когда все было оплачено заранее, продукты появлялись в доме с посыльным, а продавцы в магазинах заискивающе заглядывали им с покойным в глаза, предлагая хорошие товары. А в заключение тихо сказала: - «У меня украли мое наследство».

Хайфскую квартиру для Инги таки не удалось вернуть. Слишком мало было доказательств. Ведь Инги и не думала их собирать в свое время, полностью положившись на честность окружавших ее людей. Завещание на видеопленке в данном случае не признали законным. Все те радующиеся родственники покойного «вдруг» напрочь позабыли последний день рождения покойного, а ту открыточку (по сути дела и являющуюся истинным завещанием, так как была составлена им собственноручно, включала в себя его волю, дату и роспись), несмотря, что ее сняли на видео крупным планом, Инга не нашла. «Заботливые» руки прибрали оригинал, а без него и нет завещания. Ведь завещание это как чек, только оригинал, составленный по всем требованиям закона признается судом как завещание.

Однако закон позволил мне «отвоевать» для Инги через суд пожизненные алименты из наследства в сумме 12,000 шекелей в месяц. Я смог отменить перевод хайфской квартиры с имя сына назад в общую массу наследства, что бы продал ее, организовать фонд для алиментов. Сразу после получения такого решения адвокат противоположной стороны предложил мировую, приобрести таки для Инги вместо хайфской квартиры небольшую квартиру в Холоне и оставить месячные алименты на ее содержание в размере 3,000 шекелей. Возможно Инга примет его предложение.

Теперь Инга постоянно консультируется со мной перед тем, как сделать то или иное дело. В том, что знание закона — это гарантия на спокойную жизнь и старость она уже убедилась на своем горьком опыте, когда вынуждена была полтора года скитаться по углам.

Страшная тайна деда Мордехая.

«Убью-ю-ю, сволочь!!!» – С этим, почти звериным ревом, сжав руки в кулаки, дед Мордехай ринулся в свою последнюю атаку прямо в зале суда. «Сволочью», в его глазах был я.

Судья успел нажать на секретную тревожную кнопку под столом и в зал моментально ворвались вооруженные охранники суда и скрутили Мордехая, освободив меня от необходимости применять навыки рукопашного боя, приобретенные во время службы на Черноморском флоте еще до репатриации в Израиль.

А начиналось все очень тривиально. Дед Мордехай вышел на пенсию из ЦАХАЛЯ (армия обороны Израиля) и открыл минимаркет в одном из микрорайонов небольшого провинциального городка, как он сам шутил в «Афулодельфии», то есть в Афуле. Там его знали все, и он тоже знал всех. Давал покупать в долг и не стоял над душой, что бы вернули. Особенно «не стоял над душой» он у Игаля. И для этого была своя причина. Игаль, старый польский еврей-бобыль. Мать выбросила его, связав веревкой вместе с младшей сестрой из поезда на маленьком глухом переезде, в надежде, что хоть кто-нибудь из детей выживет и что их найдет смотритель. Это был поезд в одном направлении: Варшава – Аушвиц. А на улице был октябрь 41 – ого года.

Смотритель их подобрал. До окончания войны Игаль и прожил на этом забытом богом переезде, где поезда то проходили раз в неделю. Он вырос в нелюбви. Был скуп и замкнут. Волчонок. Таковым он и остался на всю жизнь. Детей у него не было. В свои 35 он добрался до Эрец Исраель. Деньги он не любил. Они ему не были нужны. Лежали себе в банке, куда переводили его зарплату. В какой-то момент уже стали звонить из банка и предлагать всевозможные программы. Накопилось ведь много - миллион. А для такого маленького городка это огромные деньги. И хитрый дед Мордехай, хозяин маленького минимаркета, это очень хорошо понимал. И даже строил свои планы на этот миллион.

Согласно этим планам он всячески «приручал» старого Игаля к себе. Приглашал его в магазинчик посидеть, попить кофейку, поболтать. Напрашивался, правда безуспешно, к нему домой, давал в долг продукты и дешёвое пиво. Однажды он «пронюхал», что младшая сестра Игаля, Варда, осталась в Польше, но связи между ними никакой не было более 50 лет. Но сестра есть сестра, прямая наследница, и дед Мордехай понял, что путь к заветному миллиону пролегал только через завещание Игаля в его, Мордехая пользу.

Сказано – сделано. Даром убеждения, слава богу, дед Мордехай обладал. Привести Игаля к адвокату не составило труда. Игаль действительно составил завещание полностью в пользу деда Мордехая. Оставалось за малым. Дождаться, когда Игаль перейдет в мир теней. И это свершилось.

Трясущимися от волнения руками и, не веря своему счастью, дед Мордехай сам подал просьбу о вступлении в права наследования Генеральному опекуну, сам платил гос. пошлину. Он все делал сам. Ему не нужны были свидетели и он не хотел делиться ни с кем. Это наследство его. Он действительно считал, что заработал его, почти год обхаживая этого сумасшедшего жадного.

Но почему-то судья совсем не спешил легализовать завещание, а требовал все новые и новые документы. Мордехай злился и психовал, а в таком состоянии человек часто допускает ошибки. Самая главная ошибка его была в том, что он заявил в суде, что сестра Игаля умерла до его смерти. Судья упрямо требовал официальный документ о смерти сестры. А когда по запросу Генерального опекуна выяснилось, что она здравствует и живет в Лодзи в Польше, но не отвечает на официальные запросы, судья решил назначить меня представлять интересы Варды. Процесс у нас в Израиле состязательный, де еще в таких случаях, когда есть подозрительное завещание на совершенно постороннего человека, как-то хозяина местного магазина, или на ухаживающего за беспомощным, или участковый врач, - суды страхуются и не так быстро разрешают вступить им в наследство.

Я сразу обратил внимание на то, что услуги адвоката, составившего завещание Игаля в пользу деда Мордехая были оплачены чеком, с надписью: - «*Мини маркет Мордехая*». Не насторожить это не могло. Почему Игаль составляет завещание, а гонорар адвоката платит тот, кто по этому завещанию получает все? Само по себе, конечно это ни о чем не говорит. Но в совокупности с другими фактами, которые я обнаружил, вырисовывалась нелюбимая картина. Так вдруг оказалось, что зам. директора отделения банка, в котором и лежал миллион, была никто иная, как невестка деда Мордехая. И жил дед Мордехай с этой невесткой в одном доме, разделенном пополам. Слишком много вопросительных знаков стало появляться в это истории. Да еще этот инцидент деда Мордехая в суде. В этом случае я применил хитрое правило гражданского процесса и подал прошение перевести обязанность доказательства своей версии на Мордехая. То есть если он не справится с этой обязанностью, то проигрывает дело.

Дед Мордехай, конечно не смог доказать свою версию, согласно которой он являлся единственным наследником Мордехая, так как ухаживал за ним последние несколько лет совершенно безвозмездно и даже не знал о богатстве Игаля. Завещание судья отменил, и моя клиентка Варда вступила в права наследования по Закону.

Варда очень холодно восприняла мою победу. С тяжелым польским акцентом сказала: - «Благодарю», и положила трубку. Она не любила Игаля.

А через некоторое время я получил письмо из города Лодзь, содержащее одну строчку: «Жертвую все наследство в пользу солдат Израиля, стоящих на рубеже войны с мировым террором. Варда.»

Конечно, все имена и место действия в этой истории изменены, но она, безусловна, поучительна и, выводы сделает каждый для себя сам.

Как Алла Борисовна лишилась завещания в Израиле.

Александр Герцович всегда любил великую российскую певицу Аллу

Пугачеву. Ну а когда вышла песня в ее исполнении про еврейского музыканта по имени Александр Герцович (надо же какое совпадение!), то вообще начал боготворить ее и, постепенно превратился в ее фаната. Жена даже смеялась, что скоро начнет ревновать его к самой Пугачевой.

В Израиль он репатриировался в 90-х со взрослой дочерью, уже вдовец. Он был хорошим тромбонистом и работу по специальности нашел сразу, ведь язык музыки един. Оркестр был государственный, платили средне, но постоянно и социальные условия были хорошие. Пенсионные и другие всевозможные накопительные кассы. Маленькая ипотека на квартиру постепенно «растаяла» и выплатилась. И если учесть еще частные уроки, которые он давал постоянно, то к своему 80-летнему юбилею он, неожиданно для себя обнаружил, что является достаточно состоятельной личностью.

Дочь жила своей жизнью, вышла замуж и никогда не вмешивалась в увлечение отца поющей дивой и считала это своеобразной сублимацией отца, который кроме покойной жены вообще на слабый пол не обращал никакого внимания.

Так и умер Александр Герцович, скромный еврейский музыкант. Дочь похоронила отца, поплакала и через некоторое время обратилась с просьбой о вступлении в права наследования. Ответчиком в таких делах по закону всегда выступает государство в лице Генерального опекуна. От них то она и узнала, что еще при жизни отец вложил по специальной процедуре завещание на хранение в суд, которое сейчас можно открыть. Прилагалась и копия завещания, написанная убористым отцовским почерком. И, о Боже, ...

Это был как гром с ясного неба. Все свое имущество, движимое, недвижимое и деньги отец завещал ей! Нет, не дочери, а любимой певице, своему кумиру, великой Алле!

Что делать? С этого вопроса началась наша встреча с дочерью покойного музыканта.

- «Ведь это не справедливо», - утверждала дочь. «Она ведь и знать то его не знает, у нее и так миллионы, зачем ей еще и имущество моего бедного отца?», - убивалась она.

Иногда очевидные вещи необходимо рассматривать критически. Я тоже сначала поддался на «слепоту» дочери, для которой было так понятно и очевидно о ком идет речь в завещании отца. Но при более спокойном рассмотрении и изучении текста завещания, которое надо сказать было

написано аж на пяти листах, я обнаружил, что нигде четко, понятно и однозначно не написано кому именно завещал наш музыкант свое имущество. Например, было написано: «...все имеющееся у меня имущество, квартиру, счет в таком-то банке я завещаю ЕЙ, великой и непревзойдённой, единственной и неповторимой, и т.д., и т.п.». Дочери было очевидно, что речь идет о певице, которую отец боготворил, но мы, адвокаты, читаем документы по-другому. Нигде не было конкретно сказано, что эта непревзойденная и т.д. и т.п. и является Аллой Борисовной Пугачёвой. Чисто юридически получается «непонятное завещание, на иврите - цаваа стума». Это юридический термин, которым называют такое завещание, в котором нет четко определенной личности получателя, и так как из-за этого невозможно его исполнить, оно признается неисполнимым и недействительным. А если завещание недействительно, то вступают в права наследования наследники по закону, то есть единственная дочь. Что и требовалось доказать.

Теперь оставалось доказать это и судье, что бы он продекларировал, что это завещание недействительно. Ведь такое право есть только у судьи. Это дело запомнилось мне еще и тем, что судья попросил меня представить ему заключение о количестве «поп див» на современной российской эстраде того периода. Судья, видимо, хотел убедиться в моем утверждении, что на современной российской эстраде есть несколько поп див, по популярности не уступающих Алле Пугачевой (да простит меня Великая актриса).

В конце концов судья дал решение, в котором написал, что нет никакой возможности со стопроцентной уверенностью сделать заключение, что завещатель подразумевал в многочисленных восхваляющих эпитетах именно певицу Аллу Пугачеву, поэтому, нет никакой возможности исполнить завещание, так как непонятна воля покойного. Завещание было отменено. Моя клиентка вошла в права наследования своего отца по закону, как его единственная законная наследница, а Алла Борисовна действительно была признана нашим израильским судьей по семейным делам одной из популярных русских поп див. Пока вроде бы все довольны.

Чья же ты, Сима или снова об отцовстве

Генетика сегодня шагнула далеко и ее возможности используются везде, включая суды, для доказательства родственных связей. Сегодня результат генного анализа близок к абсолюту, хотя ученые генетики, щадя природу и,

следуя старому философскому изречению, что абсолюта в природе не существует в принципе, пишут в своих отчетах, что степень вероятности родства равна 99,99%. Но и с такой точностью спорить сложно. Именно поэтому, что тайна природы стала так доступна, включая и денежные затраты на это (стоимость такой проверки в Израиле примерно 1,400 шекелей на проверяющегося), и сделали в Израиле в 2000 году Закон о тайне генной информации. В соответствии с этим законом только семейный суд вправе направить стороны на такую проверку, результаты которой являются очень серьезным доказательством в суде. И получить такое разрешение не всегда и не всем удается.

В центре дела, в котором я представлял интересы матери Симы, встал вопрос: «Удовлетворить ли требования отца в получении разрешения пройти генную проверку или отклонить?».

Истец, профессор Кругельман утверждал, что точно знает, что Сима не его дочь. По его версии, 14 лет назад он, будучи молодым кандидатом наук, только что защитился на престижной кафедре. Перед ним открывались большие возможности, и он позволил себе небольшое приключение на стороне с одной из многочисленных легкомысленных студенток, крутившихся возле него и восторженно восхищавшихся им. Жена, узнав об этом, видимо в отместку мужу «наставила ему рога» с его же руководителем проекта. Когда этот факт всплыл, супруги обоюдно «отрыли томагавк войны» и начали бракоразводный процесс. Но все вокруг, включая суд и того же руководителя проекта, пытались их примирить. А тут еще профессору предложили новую должность, к которой «прикладывался» ордер на новую 5 – и комнатную квартиру в центре Вильнюса. Видимо это и поставило точку во всей этой неприятной истории. Потихоньку страсти улеглись. Развод в этой ситуации был не кстати. Да еще и партком вмешался. «Советские ученые не разводятся!» – помните, как это было. А через 9 месяцев после скандала на свет появилась Сима. Сима была вторым ребенком в семье.

Так и приехали в Израиль. Старший сын сразу же призвался в армию, Сима училась в школе, жена быстро выучила иврит, потом курсы и в контору служащей. Только «гордый» профессор Кругельман все ходил, как неприкаянный, по университетам да «теплицам» и предлагал себя в качестве лектора и зав.кафедры. Но его не брали. От неудач профессор начал попивать. А алкоголь, особенно дешовый, моментально разрушает личность. Картина было удручающая – опустившийся профессор, капризно требующий к себе повышенного внимания, к вечеру превращался в обычного алкоголика. Как известно, в Израиле крепкие семьи, проходя через трудности репатриации только сплываются, а слабые ломаются. Супруга профессора не захотела повторять судьбу «декабристок», страдать вместе с мужем, и подала на развод и на алименты Симы.

Профессор, красный от возмущения, просто пыхтел и уфкал в зале суда, прямо как филин, а его адвокатесса повествовала, размахивая руками следующее: «Сима не родная дочь моего подзащитного. Почему он должен платить ей алименты. В Советском Союзе, когда у него была огромная зарплата, он не придавал значения существованию ребенка. Простил жену, но ребенок от этого не стал его. Я требую дать ему право доказать это и пройти генетическую проверку».

Но судья не спешила с решением. Даже очень не спешила, а очень внимательно слушала меня. Судью все же смущал тот факт, что на протяжении 9 лет в Союзе и уже 4 – х в Израиле господин профессор не поднимал этот вопрос. И даже по началу в Израиле, работая на неквалифицированных работах не выделял свои деньги из общего бюджета, а вкладывал на совместный счет с женой из которого и осуществлялась содержание семьи, включая Симу. Впервые этот вопрос поднялся только в защитном письме в суде. Но еще больше судью смущал тот факт, что если и окажется, что профессор не родной отец Симы, то этим будет нанесен девочке сильный душевный удар и непереносимая психологическая травма. Ей всего 13 лет, самый, что называется трудный возраст. Такое предательство может сломить ее. Ведь раньше в семье таких разговоров не велось никогда. Хватит ей трагедии из-за переезда в Израиль. Ведь раньше она была отличницей в классе и дочерью обеспеченных родителей, работающих на престижных работах, а после репатриации и из-за незнания иврита не понимала разницы между простыми истинами и сильно сдала в учебе.

Моя же клиентка публично в суде горячо отрицала утверждение мужа, что дочь не его, однако в тиши моего офиса выразила опасение. Ведь был же в их истории с мужем неприятный период. Хотя в Симе прослеживалось сходство с отцом, и она всегда была привязана к нему. Но больше всего она боялась потерять Симу. Ведь такого дочь ей никогда не простит.

В конечном итоге судья отклонила требование профессора. Аргументы вердикта были просты – защита несовершеннолетней, ее частной жизни и ее психики. Судья так и написала, что до достижения Симы 18 лет сторонам запрещено проходить генную проверку. А дальше Сима сама вправе решить свою судьбу и если захочет, то сможет сделать за границей частную экспертизу. Таким образом профессор «расплатился» за свое многолетнее молчание. А может он и есть настоящий отец?

Наш «Верховный»

За свою более чем 20 – и летнюю практику работы в Израильской юриспруденции я уже видел много судей и составов судов. И в Верховном Суде я не новичок. Но что бы состав Верховного Суда трижды (!) выходил на

совещание, прерывая слушание по делу моего клиента о возврате ему гражданства Израиля, я не встречал.

Когда судья объявил, что они выходят посоветаться в третий раз, я даже не увидел, а, чисто физически почувствовал, как испарина выступила на лбу у прокурора. Суд вообще, а Верховный в особенности это всегда рулетка. Всегда знаешь, как войти в суд, но никогда нельзя знать с чем выйдешь и каков будет конечный результат. Нет правил, по которым складывается решение судьи. И если вам скажут, что оно зависит и от его утреннего кофе, - верьте этому человеку. Он знает, что говорит.

Сегодня был явно мой день и в глубине души я молился, что бы он закончился так же удачно, как и начался. Израильские адвокаты любят свой «Верховный», как мы позволяем между собой называть наш Верховный Суд. Здесь все «как в кинe». Начиная со стоянки, на которую пропускают только по адвокатским удостоверениям и при предъявлении повестки на слушание. Далее, поднимаясь по широченной лестнице перед тобой в огромном панорамном окне открывается шикарный пейзаж всего древнего Иерусалима, который лежит как бы под тобой, и ты четко осознаешь, что находишься на пике олимпа высшей власти. А вид огромной юридической библиотеки добавляет недостающий эпитет, что эта высшая власть - судебная. В судебные залы проходят через громаднейшее лобби, где можно смело разыграть футбольный матч. Огромные, под 20 метров потолки, громоздкие деревянные столы, уже немножко потертые под постоянно скользящими папками дел, мягкие и удобные кресла, великолепная акустика, усиливаемая чувствительными микрофонами и самое главное – удивительный иерусалимский прозрачный и хрустальный свет, проникающий в зал через потолочные стеклянные вставки.

Здесь не надо объявлять крылатую фразу – «Встать, Суд идет!». Здесь всегда и все ждут суд и даже маститые и пожилые адвокаты вскакивают как мальчишки при виде открывающихся дверей, из которых медленно и с большим достоинством выходят судьи Верховного суда в черных мантиях.

Когда в третий раз судьи вернулись после собеседования и удобно устроились в своих огромных тронах, Председательствующий вновь, обратился ко мне и предложил еще раз дополнить свои аргументы, если таковые у меня есть. Воцарилась такая звенящая тишина, в которой не то что слова, взгляды были слышны.

Что было говорить? Все что хотел – написал и подал в петиции, что додумывал до суда – сказал до перерыва, но молчать нельзя. Это как на экзаменах, даже если не знаешь билет – не молчи, говори. Я уже понял, что судьям что-то мешает окончательно решить в мою пользу, но как понять, что. Ведь они просто молчат и слушают. Три пары внимательных глаз спроецировались на мне. Желудок сжался, противный холодок пробежал по спине. И я начал говорить.

- Уважаемый суд! Я расскажу Вам, как я инструктирую своего клиента, когда он отправляется по вызову в Министерство Внутренних дел на собеседование по вопросу о лишении его гражданства. С одной стороны, я успокаиваю его, что он находится на собеседовании, а не на полицейском допросе. Но с другой стороны я говорю ему, что он должен четко понимать, что может оказывать содействие работнику МВД, а может и нет, что все сказанное им на собеседовании записывается в протокол служащим и может быть использовано впоследствии против него. Что он должен четко понимать, что может отвечать на вопросы, а может и нет, но тогда его молчание может быть использовано против него.
- Но тогда, Ваша честь, я ловлю себя на мысли, какая же разница между таким собеседованием и допросом в полиции? Получается, что все, что я перечислил выше - это ведь принципы уголовного допроса в полиции. Только на собеседовании сотрудники МВД не предупреждают о том, что поведение клиента и его ответы могут быть использованы против него и этим самым вводят человека в заблуждение, нарушая простейшие его права знать и понимать суть происходящего. А где же разница? Мы «плавно» переходим и превращаемся в полицейское государство, в котором каждый простой административный служащий МВД имеет полномочия полицейского. А ведь задача МВД обслуживать граждан, а не допрашивать. Для допросов есть полиция.

Не думаю, что именно об этом мечтали отцы-создатели Израиля, завещая МВД, как органу государства, следить за тем, чтобы в Израиле всегда оставалось еще немного места под этим жарким солнцем для евреев, и что бы любой еврей, где бы он не проживал, знал, что при желании он всегда сможет приехать сюда и найти себе своё место. Не думаю, что и Вы, Уважаемый Суд, одобряете такую политику административного органа, который распространяет и одобряет полицейские методы работы в своих рядах.

По моему глубокому убеждению, данная политика противозаконна и так, как решение МВД в данном конкретном случае было принято на основании этой полицейской политики, с нарушением других норм, указанных мной в петиции, то его необходимо отменить.

Не знаю что именно, но видимо сочетание слов «полицейское государство» и сравнение МВД с полицией сильно не понравилось суду. Через две недели я

получил решение, обязывающее МВД вернуть моему клиенту израильское гражданство. Ура !

100,000 тысяч за одно слово.

Чего только не услышишь в зале суда. Где там тот сериал «Санта Барбара», близко не стоял. Такие сплетения чувств, такой накал страстей, который иногда переходит все границы. И жаль. Всегда и во всем надо стараться соблюдать меру, иначе можно поплатиться, причем в самом прямом смысле слова.

В какой-то момент мне стало жалко эту пожилую женщину, которая стояла в суде на допросе, сбивчиво пытаюсь объяснить судье, что то, что она сказала, это не то, что она действительно подразумевала. Адвокат допрашивал ее очень методично и с каждым вопросом всем присутствующим в зале становилось ясно, что ее дела плохи.

Сара и Дани женаты уже 30 лет. У них совместные дети. Дани долго не мог найти себя, занимался всевозможными мелкими бизнесами. Пара еле сводила концы с концами. В какой-то момент им повезло, и Сара выиграла в лото очень крупную сумму. Возможности открывались огромные. Или погасить ипотеку, выкупив дом или то или это. Но они вместе решили, что эти деньги потратят на учебу мужа. Ведь он всегда хотел учиться, чтобы потом работать и зарабатывать хорошо. Так и решили.

В свои 40 лет Дани отправился учиться в Бухарест на зубного врача. А потом, вернувшись, еще целый год подтверждал образование. Потом были трудности становления своей клиники. И вот наконец то, желаемое благополучие. Дани стал хорошо зарабатывать, клиника расширилась, дети подросли. Живи и наслаждайся в свое удовольствие.

Но, говорят, чужая семья – потемки. Развод начался очень тяжело. Взаимные обиды и упреки, и все, что с этим связано. Сара жаждала получить все, оставив Дани ни с чем. И это у нее вроде бы получалось. Однако в процессе суда стало выкристаллизовываться другое предложение о разделе имущества. Адвокаты уговаривали Сару согласиться на равный раздел: квартиру ей, клинику Дани. По деньгам это выходило тоже, но Сара не могла простить, что та огромная сумма, которую она выиграла в лото, на которую и выучился ее муж и смог открыть клинику, как бы и проходила мимо нее.

Суд тоже предлагал делить имущество поровну, без учета того выигрыша. Ведь деньги пришли в семью в процессе брака. А так как у супругов не было брачного или добрачного договора вступает в силу правило, что все имущество, нажитое супругами в браке из всех источников (кроме личных компенсаций за

здоровье, не о нас сказано, подарков и наследства), делиться пополам, без исключения.

Но Сара не смогла смириться, что развод проходит так «просто» и Дани может получить клинику. «Кому я нужна сейчас, в мои то годы? Когда была молода, растила детей и субсидировала твою учебу, то я была нужна тебе, а сейчас ???» Боль и злоба не смогли успокоиться в ней и в какой-то момент она сорвалась. Она захотела разрушить благополучие мужа. А вот здесь уже закон не помощник.

Сара начала оскорблять его прилюдно. В выборе эпитетов не стеснялась. Чего только Дани не услышал в свой адрес: и тупой, и безмозглый, и плохой отец, и плохой муж. А однажды, придя в клинику, при клиентах, начала обвинять мужа, что он «гомо» и поэтому разводится с ней, с женщиной и собирается, якобы, жить с мужчиной. Клиенты от такого скандала разбежались. Поняв это, Сара повторила «атаку» вновь. И вновь была явная удача. Клиенты начали оставлять клинику, забирать задатки и авансы переходить к другим врачам. Дело дошло до того, что, придя утром в клинику, Дани обнаружил на стене вывеску, что для «гомосексуалистов» в клинике делают скидки.

Через 2 месяца у Дани не осталось клиентов. Он вынужден был уволить помощников, а потом просто закрылся. Но не остановился и не успокоился. В качестве отместки Дани подал очередной встречный иск в суд на Сару за клевету. Дани утверждал, что своими эксцентричными выпадами Сара публично порочит его имя и причиняет ему ущерб. Действительно, по нашему закону суд может принять решение, и судья лично может оценить сумму ущерба и даже обязать ответчика конкретной денежной суммой, по приблизительной оценке, и без четкого доказательства ущерба, то есть «на глаз».

Адвокат Дани долго искали нужную тактику допроса Сары. Изучали ее повадки, ее стиль ответов и пришли к выводу, что надо попытаться вывести ее из себя, чтобы показать судье ее истинное лицо. Так и вышло. Он «зажег» Сару как спичку. Сара вновь сорвалась и начала оскорблять мужа в самом зале суда. Результат – 100,000 шекелей за клевету.

Во время развода нельзя отказываться от положенного тебе, но кто хочет большего может потерять все.

Двое вдовство, или вдова вдове рознь.

Авигдор был любвеобильным мужчиной. И небедным. У него был дом, жена, дети. Он их всех любил и обеспечивал. И был второй дом и в нем тоже была женщина-подруга, так называемая гражданская жена. Он жил двойной жизнью,

не скрывая этого. По шабатам ходил ночевать к подруге. Иной раз и на неделе забегал к ней. Оплачивал счета, давал деньги на проживание. Так и жили все, не тужили. И все бы было хорошо, ... да умер Авигдор.

Жена Авигдора очень быстро вступила в права наследования. Позвонила женщине-подруге и высказала ей все, что накопилось за 20 лет «совместной» жизни. И сказала, чтобы та и не думала о финансовой помощи от наследства Авигдора.

И вдруг женщина-подруга действительно поняла, что она осталась ни с чем. 20 лет прожила с человеком, а сейчас надеяться нужно только на себя. А годы то не те уже. Да и жизнь пробежала. А впереди кроме старости ничего. А у нее и профессии то нет, ни сбережений, ни пенсии. И пошла женщина-подруга по адвокатам узнать, на что она может претендовать.

На наследство действительно прав у нее нет. Это говорили все. Нашелся один, который утверждал, что стоит ей обратиться в институт Национального страхования Битуах Леуми и что он, БЛ, должен признать ее как «вдова» и соответственно выплачивать ей ежемесячную пенсию, так как она всю жизнь была финансово зависима от Авигдора. Эта идея понравилась ей, и они начали работать.

БЛ отказал ей сразу и на отмаш. Ответ пришел в течении 2 – х дней. «Нет» было категоричное. Оставался суд.

Адвокат не обманывал женщину-подругу, обещал длительные суды, нелегкий путь доказательств, но она верила ему. Именно потому, что он не обманывал ее. В суде над ними обоими просто откровенно смеялись. Не прикрываясь. Адвокат института Национального Страхования даже позволяла себе не просто иронизировать, а в открытую издеваться над истицей. Крах был полнейший. Суд даже не хотел слушать доводы адвоката женщины-подруги. С трудом он убедил их не закрывать дело на первичном этапе (на юридическом языке это называется – отказать в возбуждении дела), а позволить ему убедить суд. Со временем судьи становились мягче, но не отходили от первоначального мнения. Они утверждали, что так как Авигдор официально был женат, то статус истицы (женщины-подруги) в данном случае – простая любовница. А таким не положена пенсия от Битуах Леуми, то есть за счет налогоплательщиков.

Адвокат же истицы утверждал, что его доверенная, женщина-подруга, пострадала в свое время от Битуах Леуми, так как на протяжении 15 лет ей было отказано в денежной помощи от них именно на основании, что она жила с Авигдором и несмотря на то, что Авигдор был женатым мужчиной и приходил к ней несколько дней в неделю, а иногда и меньше. При проверке инспектора БЛ обнаружили в квартире женщины-подруги следы пребывания мужчины и на

этом основании отказали ей. Это не убедило суд первой инстанции. Дело было с треском проиграно.

Адвокат просто умолял женщину-подругу дать ему еще один шанс и подать протест в высший суд. Она не хотела, она помнила насмешки адвоката БЛ, она помнила томные взгляды судьи в ее сторону, она видела, как судья прятала улыбку на губах. Она боялась вновь быть опозоренной.

Адвокат убедил ее. Протест слушался в Иерусалиме, в высшем суде по трудовым спорам. Состав был очень солидным, 3 судьи и два представителя, один от рабочих и один от работодателей. Здесь все проходило по-другому.

Адвокат БЛ не позволяла себе никаких вольностей. Судьи слушали очень внимательно, детально разбирались в представленных аргументах. Результат – истицу таки признали «вдовой», но только для Битуах Леуми. На основании этого решения ей была назначена месячная пенсия, как зависимой от покойного при его жизни.

Это решение не повлияло, однако, на права женщины-подруги по поводу завещания. К завещанию она никакого отношения не имела.

Решение судей основывались только в области прав этой женщины быть признанной как «вдова» для БЛ, на основании совместного проживания и финансовой зависимости на протяжении долгого времени.

Вот таким образом воплотилась давняя мечта израильских мужчин хоть не при жизни стать многоженцами, так после смерти – "двое вдовцами". Решение это новое, прецедентное. Однако, как оно претворится в жизнь надо смотреть в каждом случае отдельно.

Последнее танго Остапа Бендера (шутка).

Герман был гений мошенничества. Недаром друзья звали его "Папа" Остапа Бендера. Голова у него была просто чудо. Он вовремя ухватил «движение денег», создал компанию и заработал аж миллион долларов почти на пустом месте и практически, без затрат. Все было честно, но как же не хотелось платить налоги, почти половину. Этого можно было избежать, если бы можно было "превратить" эти деньги из «деловых» в «личные», т.е. из бизнеса в частный капитал.

Герман пошел в библиотеку и сел в юридическом отделе. К вечеру у него уже родился план, согласно которому его компания передает деньги очень пожилому человеку на его счет. Этот человек пишет завещание в пользу уже не компании, а лично Германа. После смерти этого человека Герман вступает на

основании завещания в наследство этого миллиона долларов на законных основаниях, и никто не подкопается о происхождении этих денег, и никто не потребует уплаты налогов. Ведь у нас в Израиле нет налога на наследство.

Сказано – сделано. Осталось найти такого пожилого человека. Герман начал обзванивать знакомых врачей, работающих в домах престарелых. И, о чудо! Вдруг позвонил Герману его давний знакомый, Шай, тоже из семьи «Остапов Бендеров». Слово за слово, Герман осторожно интересуется у него о наличие пожилых родственников, как вдруг Шай говорит, подтверждает и говорит, что его 80-и летний дедушка умирает в доме престарелых и вот-вот перейдет в лучший из миров. Герман заинтересовался, и назначил встречу с Шаем.

Шай смекнул в чем «сыр - бор» очень быстро, даже позавидовал уму Германа, но попросил немного комиссионных, 5 %. И согласился на сотрудничество, заверив, что убедит своего родственника сделать как надо.

Был очень душный вечер. Дом престарелых находился на самом берегу моря. Герман помнил, что в тот июльский день была авария с электрическим кабелем в доме престарелых и кондиционеры не работали. Старики действительно мучались.

Из домашнего задания по поводу завещаний Герман знал, что если человек, делающий завещание очень пожилой и находится в лечебном учреждении, то факт составления завещания должен засвидетельствовать лечащий врач. Войдя в палату Германа аж передернуло. Антон Габриэлович, дедушка Шая, лежал весь в поту, задыхался и всхлипывал. Выглядел он ужасно. Землистый цвет лица, глубокие морщины, потухший взгляд. Света в палате не было, и тяжелый влажный воздух стоял неподвижно. Сестра, очень симпатичная девушка, услужливо протирала его холодной водой, и в перерыве успевала строить Герману глазки. Это немножко отвлекало Германа, но и тешило его мужское самолюбие.

Антон Габриэлович молил Бога только о ближайшей своей кончине, обессиленно сглатывая слюну. Это очень устраивало Германа. В присутствии врача Антон Габриэлович подписал завещание, по которому все свои сбережения на всех счетах он завещает только Герману. Врач заверил, что завещатель в здравом уме и ясной памяти и не под действием наркотических лекарственных средств. На следующий день Герман от лица компании перевел на счет старика свой миллион, составив при этом и договор о сотрудничестве. Сейчас оставалось только ждать.

Однако старик не спешил на тот свет. Шай молча разводил руками. Впервые, через пару месяцев, заподозрив неладное, Герман решил навестить своего завещателя лично, а не довольствоваться отчетами Шаи. Позвонив в дом престарелых, он поинтересовался, жив ли еще Антон Габриэлович и как его

самочувствие. «Очень хорошо, он резко пошел на поправку». У Германа поплыло все перед глазами. Схватив такси, он примчался в дом престарелых. Кондиционеры так охладили помещения, что старики даже кутались в платки. Симпатиченькой сестрички не было. Вместо нее на рецепции Германа встретил старый грузный араб с недоверчивым взглядом, а врач, заверявший состояние здоровья Антона Габриэловича в момент подписании завещания, вообще встретил Германа удивленным взглядом: «Мы знакомы?».

Ворвавшись в палату Антона Габриэловича, и увидев пустую комнату и голые стены, Герман почувствовал, что его ноги стали ватными. Он бросился искать самого старика. За смятую двадцатку, моментально растворившуюся в широкой руке грузного старого араба на рецепшине, Герман узнал, что Антон Габриэлович выписался неделю назад в прекрасном расположении духа и, воровато оглядываясь, дал его адрес.

Приехав по указанному адресу Герман увидел идиллию: - Из небольшого домика, уютно спрятавшегося в тени старых деревьев, бодрой походкой выходил Антон Габриэлович под ручку с молоденькой "сестричкой". Они сели в сверкающий мерседес, за рулем которого сидел ... Шай.

Герман долго смотрел на удаляющуюся в знойном воздухе черную сверкающую машину, понимая, что с ней уходит и его мечта о миллионе и о Рио де Жанейро.

Квадратный круг или круглый квадрат

(в смысле перевертыши)

- Меня изнасиловала моя подруга, - сказал Ивги, - не верите?
- Ну почему, верю, сказал мой я неуверенным голосом и еще раз оглядел парня, сидевшего напротив.

Это было создание ростом не ниже 1,90, объем плечь был раза в два больше талии, а под рукавами рубашки угадывались очень крепкие мышцы, свидетельствующие об основательной «дружбе» этого парня со спортом. Он перехватил мой недоуменный взгляд и, понимающе вздохнув, начал свой рассказ.

Ивги завидный жених и мечта любой девушки. Богат и одинок. В свои 25 лет он заканчивал учебу в университете и обладал недюжим имуществом. Его родители погибли в автокатастрофе, и он оказался единственным получателем как страховых полисов, так и их имущества.

С Ириной они дружили почти полгода. Ирина тоже училась в том же университете, на другом факультете. То, что она хотела за него замуж было понятно всем, но Ивги не спешил. После гибели родителей он стал очень неуверенный. Видимо некому было посоветовать.

Ира была очень скромная и целомудренная девушка. Кроме поцелуев и томных обниманий не разрешала Ивги ничего. В какой-то момент она поставила вопрос «ребром»: - женись или мы расходимся. Что время терять. Этого «ребра» Ивги, видимо, и испугался, и они расстались. Через несколько дней Ирина неожиданно позвонила Ивги и пригласила его к себе на прощальный вечер. Ивги человек очень чувствительный и в самом начале почувствовал какую-то фальшь во всем этом, но отказать не решился и пришел. Что он терял?

Вечер был волшебный. Свечи, слезы, еще раз слезы при свечах. Ивги помнил, что Ира все рассказывала ему о коктейле, который в России назывался «Северное сияние» и уговаривала его попробовать, в память о их любви. Ивги был израильским мальчиком и не знал волшебного действия этого чисто русского изобретения. «Северное сияние» - это смесь водки с шампанским. Пьется легко и весело. В голове моментально зажигаются веселые огоньки, так называемое «северное сияние», правда потом очень быстро наступает долгая «полярная ночь». Ивги уверен, что именно тогда Ира и овладела им, но он этого не помнил. Он даже не знал естественным ли образом был совершен половой акт или она похитила его семя и врачебным путем оплодотворилась. Он вообще ничего не помнил и даже не догадывался, что они с Ириной были близки. После этого они расстались и не виделись почти год. А через год Ирина поставила его перед фактом, что у них родился совместный ребенок. Ивги был ошеломлен. Он ведь был уверен, что Ирина и слов то таких не знает, как интимная связь или тому подобное. Такая она была с ним недотрога. Однако очень быстро выяснилось, что эту роль Ирина играла только для него. А на своем потоке она была известная светская львица, никогда не упускавшая шанса хорошо поразвлечься в среде «золотой израильской молодежи». Видимо невинным и доверчивым во всей этой истории действительно был только Ивги.

Так или иначе, а факт оставался фактом. Ивги в одночасье превратился может и не в счастливого, но все же отца. Как-то само собой встал вопрос с алиментами, в котором Ивги то же, мягко сказать, лопухнулся. Оказывается, Ирина готовилась очень серьезно. Еще будучи на 7 месяце беременности возбудила судебное дело в семейном суде. Она знала, что жернова мельницы израильского правосудия толкут очень медленно, и что бы не терять время даром позаботилась о процессуальных сроках заранее.

Когда ребенку исполнился месяц, как раз подошел срок первого судебного заседания. Ирина не поскупилась и на адвоката и обратилась к серьезному специалисту. Вдвоем за день до суда они грамотно «обработали» Ивги, который и подписал собственноручно обязательство платить ребенку алименты в сумме 4,000 шекелей в месяц, а также обязался в течении 6 месяцев купить квартиру в шикарном районе вблизи Тель Авивского университета для проживания Ирины с ребенком.

В случае, когда есть согласие между родителями по вопросу алиментов, суд не вмешивается, а подтверждает данный договор, давая этим ему законную силу

судебного решения. Вот с этим судебным решением и необычным рассказом и пришел в мой офис Ивги. Возник извечный вопрос – «Что делать?»

Ивги не хотел мириться с ролью опозоренного юноши. Он жаждал отменить судебное решение. Да и все знакомые просто открыто смеялись над ним. Алименты на одного ребенка даже в принудительном порядке в суде назначают меньше, а тут такие суммы.

Я долго думал и ломал голову по вопросу тактики ведения дела. Отменить судебное решение, данное по согласию сторон - для адвоката дело не благодарное. Шансы на отмену такого решения минимальные. К тому же Ивги целый год после суда путешествовал по Дальнему Востоку и Индии, успокаивал, так сказать нервы. А год для такого решения большой срок. Если сразу подать прошение и утверждать, что человека ввели в заблуждение, это одно, а когда прошел такой период времени, в течении которого Ивги исправно исполнял это решение – совсем другое.

И тогда я решил "атаковать" Ирину совершенно с другой стороны и подал иск на компенсацию. В этом иске я от имени Ивги утверждал, что Ирина похитила у него семя. Семя было использовано для оплодотворения без его согласия, и сам ребенок родился без его согласия. Этим ему нанесен как прямой, финансовый ущерб, так и косвенный – то есть моральный. Я требовал обязать Ирину вернуть Ивги все алименты, которые он должен будет заплатить ребенку до 21 года.

Представьте себе, что судья была готова принять мой иск, но сказала, что Ирина вернет алименты не из расчета 4,000 шек в месяц, а 2,000 шек. Эта была бы та сумма, если бы сам суд назначил бы алименты ребенку, а не стороны, по согласию. За несколько дней до судебного решения адвокат Ирины обратился ко мне с предложением о мировой, что Ирина довольствуется квартирой и все, без месячных алиментов. Мы с моим клиентом были против, так как по деньгам Ивги проигрывал в предложении адвоката Ирины, но Ивги решил принять его предложение. Видимо факт сатисфакции успокоил и удовлетворил его. «Ребенок то ведь мой», - сказал он. Пусть живет в хороших условиях.

А я лично считаю, что если бы Ирина изначально обратилась к Ивги с просьбой о помощи, то без суда и без обмана она получила бы от него намного больше.

В суде нет правды, тем более справедливости. В суде есть закон, а он не всегда справедлив.

«Слепое» фото - лучшее доказательство

Когда вы приходите к адвокату, мой вам совет, доверьтесь и отдайте ему все, что у вас есть по данному делу, даже если вы считаете, что тот или иной предмет

или документ не существует, или его качество его подходит для ведения дела. Вы не знаете, где и как это вам может помочь, а адвокат точно сможет разобраться и обыграть это в вашу пользу. И вот яркий приме этому.

Я представлял интересы одного пожилого еврея, брат которого, перед смертью неожиданно изменил завещание в пользу дальнего родственника, молодого студента, недавно репатриировавшегося из Белоруссии. Спор был серьезный. Покойный отписывал свою 4-х комнатную Тель Авивскую квартиру и все остальное наследство (старенькую машину, мебель, коллекцию старинных золотых монет и сбережения) этому энергичному молодому человеку. В завещании не значилась и причина такого крутого изменения. Что бы опротестовать это странное завещание я должен был доказать судье, что первичное завещание было изменено посредством злоупотребления доверием и составлено под давлением на покойного. Если мне удастся доказать это, то второе завещание отменяется и остаётся первое, по которому мой клиент получает все в свою пользу.

То, что мой клиент прав в своих предположениях о психологическом давлении на покойного со стороны ответчика я не сомневался. Трудно поверить, что этот юноша, который и знать не знал о существовании своего троюродного дяди в течение всей своей жизни, вдруг обуревал к нему такой любовью по приезду в Израиль. Несколько раз в день звонил ему, не давал скучать. И все это за полгода до его смерти. Мы это знали, но доказать не могли. Не хватало доказательств. А наш «пострел» отрицал факт посещения покойного в период изменения завещания и утверждал, что вообще, не был у него дома. И о завещании в свою пользу узнал только после смерти завещателя.

И вот мы на суде. Наш противник подготовился блестяще. Видимо он действительно обладал даром настраивать людей на свою сторону. Он пришел на суд в костюме, держался спокойно и уверенно. Вопросов не боялся. Было видно, что держится он по хорошо спланированному сценарию. Эдакий молодой «мачо». Смотрел прямо в глаза судьи немножко усталым взглядом, говорящим, что все происходящее ему уже надоело, но он, конечно, понимает, что данная процедура неизбежна и хочет закончить все это как можно быстрее, так как он должен спешить в университет изучать археологию древнего Иерусалима.

В какой-то момент сама судья стала намекать мне, что если у нас нет никаких прямых и реальных доказательств того, что ответчик посещал покойного в его квартире ПЕРЕД смертью или вообще встречался с ним близко к дате изменения завещания, то наши дела «шлехт» и нечего держать бедного мальчика и мучать его вопросами. С этим мы и вышли на перерыв.

Сразу после перерыва я решил пойти в а-банк. Театральным движением я вынул из своей сумки пакет с фотографиями и, вытащив наугад одну из них,

медленно стал подходить к ответчику, следя за его взглядом, говоря при этом следующее:

- Уважаемая г-жа судья, у нас таки есть *неопровержимое* доказательство, что ответчик навещал покойного перед его кончиной, несмотря на то, что он отказывается от этого. На этой фотографии видно, как ответчик вместе с покойным выходят из подъезда дома покойного, а на витрине магазина, который находится возле подъезда, виден нарисованный «савивон» (волчек) и другие ханукальные принадлежности. Из этого следует, что ответчик действительно встречался с покойным в декабре, а покойный ушел в «лучший мир» в феврале следующего года. Но перед тем, как я попрошу приобщить фото к делу я хочу последний раз задать вопрос ответчику, был ли он в декабре такого-то года у покойного?

И в момент, когда я подошел почти вплотную и поймал его взгляд, скользящий в папку с фото, я демонстративно захлопнул папку перед его носом. Адвокат ответчика, дремавший до сего оживился, и невпопад заявил протест. По правилам гражданского процесса необходимо дать свидетелю или его адвокату ознакомиться с фото и потом отдать судье. Краем глаза я увидел смущение и беспокойство в глазах ответчика. Это все, что мне было необходимо. Дальше – дело техники. Я быстро подошел и передал фото судье таким образом, чтобы никто не видел его и попросил изменить процедуру приобщения материалов и обязать ответчика сначала ответить на вопрос, и только потом показать фото его адвокату.

Судья долго изучала то, что я ей передал, низко опустив голову. Прядь волос закрывала ее глаза и не было видно ее реакции на фото. Потом судья посмотрела на меня, на студента, вновь на фото, положила это на стол, закрыла его чистым листком, и сама обратилась к ответчику:

- «Ты действительно никогда не был в доме покойного?»

И тут наш студент «спекся». Он вдруг (?) припомнил, что как то, проходя мимо дома покойного, заскочил к нему, проповедать. И это действительно было зимой, и они говорили об этой квартире и... , и... Зрелище было грустное. Он пошел пятнами, стал путаться, сбивчиво говорить. Вместо «мачо» передо мной стоял простой маленький врунишка.

Судья выслушала его внимательно и, подзвав адвоката, протянула ему фото. На ней был четко виден дом покойного, витрина с ханукальными игрушками и размытые силуэты двух людей, в один из которых очень смутно можно было разглядеть нашего студента. Эти фотографии мой клиент сделал сам, но неудачно, подвел фотоаппарат или неумение фотографировать, и поэтому не

придал им значения. Он сунул мне их во время перерыва на суде, как последнюю соломинку, на что я на него и рассердился.

Никогда не нужно решать самим что подойдет, а что нет для ведения дела. Клиент должен дать адвокату все доказательства. А хороший адвокат сам сможет обыграть и использовать материалы в пользу клиента.

Добавить, что б вернуть.

Когда Игорь пришел ко мне в первый раз я молча развел руками и, пожалев, что пригласил его, сказал, что в данном случае закон ему не помощник. Игорь рассказал, что дал другу **30,000** шекелей, в долг. Естественно без адвоката, без договора, без встречных чеков, даже без долговой расписки (штар хов), и что самое проблемное – наличными. Даже нельзя было проследить движение денег в банке от Игоря до его должника. Короче – ноль. Ни одного доказательства, кроме слов Игоря и слез его жены. А слезами, как говорится, горю не поможешь. «Добрый он у меня, дурень. Друзьям помогает. Только почему-то за счет семьи», - пожаловалась супруга Игоря.

А друг, видимо, в своих планах Игоря совсем не имел. Сразу же в первый месяц не выплатил месячный возврат. На все телефонные звонки сначала отнекивался, мол, завтра, после. А потом и вовсе заявил, что бы Игорь не доставал его и вообще он не понимает о чем идет речь, никаких денег он у Игоря не занимал. А потом до Игоря дошли слухи, что должник планирует набрать ссуд и сбежать в Чехию.

Честно говоря, для адвоката такое дело гиблое. Почему судья должен поверить моему клиенту, а не ответчику? Кто прав? Слово против слова. Может весь этот рассказ выдумка Игоря? Необходимо доказать, что ответчик действительно получил деньги, получил их как ссуду, а не подарок. Короче, работы море.

Да и сам закон «наказывает» нерадивого истца, не предоставляя ему практически никакой предсудебной помощи, как, например, закрытие границы для «подозреваемого» ответчика до окончания ведения суда.

И тут мне пришла в голову идея. Если ответчик действительно собирается выезжать, то закрытие границы для него будет очень большим и действенным способом воздействия. Но проблема в том, что в гражданских денежных исках суд может закрыть границу ответчику только в случае, если сумма иска 50,000 шекелей и выше. И тогда я решил предложить Игорю рискованное решение:

- «Если бы ты «додал» бы своему другу еще, хотя бы 21,000 тысячу, и тогда сумма долга составила бы 51,000 шекелей, тогда появляется основание для просьбы о закрытии границы до окончания судебного разбирательства».

Для Игоря это решение было трудное. Его жена оказалась отважнее и решила послушать моего совета.

Мы знали, что ответчик частенько бывает на улице Иуда А-леви, где можно обменять доллары. Игорь три дня подряд находился там по несколько часов и действительно встретил своего обидчика. В дружелюбном разговоре Игорь обронил, что у них с женой открывается в банке еще одна сберегательная программа на 25,000 тысяч и он хотел бы прикупить «зеленку». Друг «клянул» на эту приманку как на удочку с жирненьким червячком и тут же состряпал еще рассказ, что ему срочно требуются дополнительные деньги. Игорь додал ему, а я тут же в срочном порядке обратился в суд с просьбой о закрытии границы. Суд удовлетворил данную просьбу Игоря, на основании именно второй порции, так как в данном случае я научил Игоря позаботиться и собрать все документальные доказательства, что деньги перешли со счета на счет и даже была составлена небольшая расписка, в которой говорилось, что данная сумма является дополнительной (второй) частью ссуды.

Жадность легкой добычи ослепила глаза должника и он не обратил внимание на это важное слово: «В дополнение, ссудополучатель получает еще 25,000 шекелей» Эти два слова – «в дополнение» и «еще» и убедили судью принять решение о закрытии границы.

Дальше было проще. Как только ответчик получил оповещение, что граница для него закрыта в рамках денежного иска Игоря к нему, тут же сам начал искать дороги об урегулировании данной проблемы и в течении месяца вернул большую часть денег, а на оставшиеся привел гарантов.

Так закончилась эта полудетективная история с килограммовыми выбросами адреналина и бессонными ночами моих клиентов. Вывод прост. Ссуду давать можно. Можно и друзьям, но важно грамотно ее оформить. Тем более, что и закон предоставляет такую возможность. Закон о частных ссудах. Только надо найти грамотного адвоката. Тогда и не понадобится рисковать.

Слышал звон, да не знал где он.

Игорь вырос в Минске, в семье очень известного адвоката. Естественно и ему все пророчили стезю адвоката. По инерции он поступил в юридический, окончил и даже работал несколько лет адвокатом. Но душа у него не лежала к адвокатской работе. Его всегда тянуло к технике, а не к этим судам и человеческим сплетениям. В технике все четко, - этот клапан давит сюда, открывает эту заслонку и т.д., а в юриспруденции для него все было аморфно.

Только в Израиле, при вынужденной переквалификации он обрел себя. Машины всегда была его стихия. Он быстро устроился в один из фирменных гаражей. Там коллеги прозвали его «адвокатом». Адвокатская хватка у него все же осталась. Благодаря ей он быстро продвинулся по службе. Все было бы в Израиле хорошо, но отношения с родителями у него не складывались. Отец умер, а мать стеснялась его профессии, что он, сын адвоката не захотел

продолжать родословную. А перед смертью просто поставила условие: только если он сдаст экзамены в коллегию адвокатов, то она впишет его в свое завещание, а если нет, то все наследство переписет на его сестру. «Все» это была большая квартира на набережной Бат Яма и немалые сбережения.

Тут то он и решил воспользоваться своими знаниями юриспруденции. Игорь сообразил, что если завещание матери в пользу его сестры можно будет отменить по каким-либо основаниям, то наследство будет разделено по закону, то есть ему и сестре поровну, как наследникам первой очереди.

Исподволь, при коротких встречах и телефонных разговорах, он начал убеждать мать, что при составлении завещания она обязана (именно обязана!) внести в текст завещания параграф, что данное завещание является ее единственным, и что она сама себя ограничивает в будущем изменять завещание. Игорь помнил, что это в нарушение закона и специально убеждал мать написать это. Он мыслил так: если мать напишет то, что он исподволь вталкивал ей, то потом такое завещание можно будет отменить, так как оно противозаконно. Его усилия не прошли даром. Мать таки написала в тексте завещания, что это ее единственное завещание и что она не желает и не хочет изменять завещание в будущем. А когда почтенная дама отошла в лучший мир Игорь помчался в суд и подал протест на заявление сестры о ее единоличном вступлении в наследство на основании этого завещания.

Ирина, сестра Игоря, в глубине души жалела своего младшего брата и сильно расстраивалась из-за его конфликта с матерью. Она конечно была готова поделиться с ним завещанием, но факт его подачи протеста в суд за ее спиной ее сильно покоробил. Именно в этот момент она обратилась в наш офис. Мне предстояло доказать, что оспариваемое завещание законно. Честно говоря, сделать это было легко. Если хорошо знаешь закон.

Я не возражал, что оспариваемый параграф завещания был незаконный. Действительно в законе четко написано, что завещание можно менять хоть каждый день. Но написано так: «Распоряжения завещания, которые отрицают или лишают завещателя права изменять завещания – недействительны». То есть не все завещание отменяется, а только параграф или его часть. Все остальное завещание остается в силе. Судья сразу согласился, отменил этот злополучный параграф и утвердил остальное завещание. Для Игоря это был двойной удар. И по самолюбию, и по его, хоть и в прошлом, но и профессионализму, как адвоката.

Ирина без труда вступила в права наследования. Позвонила брату и пригласила его ко мне в офис. Когда Игорь пришел в офис, она торжественно заявила, что хочет сделать дарственную, половина родительской квартиры переписать на Игоря. После короткого шока он согласился. И, слава богу, они остались не только братом и сестрой, но и друзьями.

Похитить дочь - это очень просто или к чему приводит легкомыслие.

Может ли муж сесть в тюрьму за изнасилование жены? Этот вопрос обычно любят задавать начинающим студентам юристам на первичных экзаменах на первом курсе. Многие «ловятся» на этом и отвечают, что нет. «Жена ведь! Как можно изнасиловать собственную жену?». На что получают резонный ответ – да, может, именно потому что жена, а не рабыня. Семейные отношения иногда путают людей. Чисто с юридической точки зрения семья очень скучный объект. Выходя замуж или женясь, мы вступаем в союз двух, где существует система взаимных обязательств друг к другу, и не приобретаем при этом абсолютные права друг над другом. Этот же принцип распространяется и на детей. Когда появляется ребенок, у родителей добавляется новая система обязательств по отношению к ребенку. И тот, кто пренебрегает этими обязательствами, может жестоко поплатиться. Именно поэтому, из-за пренебрежения отцовского права к ребенку и проиграла Лена полностью свой бракоразводный процесс.

Сначала была семья. Назовем их Семен и Лена. Наверное, сначала они любили друг друга. У них появилась дочка, Юля. Дело это уже отгремело и закончено, поэтому с некоторым изменением можно рассказать его всем, так как то, что произошло в нем очень поучительно.

Я защищал Семена. Бракоразводной процесс проходил долго, полтора года, на фоне абсолютной апатии мужа к дочери. Процесс был очень долгий и напряженный. Супруги спорили о размерах алиментов для Юли, о дележке квартиры и машины, о долгах. Никто не хотел уступать друг другу ни в чем. Утомительные заседания выжимали из них все силы и соки и, иногда, казалось, что этот процесс не закончится никогда. Однако, как это обычно бывает, конец пришел неожиданно быстро и из направления, которого никто не ожидал. В результате хитрого юридического хода, который я сконструировал для Семена, Лене пришлось пойти на уступки и очень невыгодно для себя закончить процесс. Что поделаешь. На войне как на войне.

И вот как это было. Юлина бабушка, мать Лены, жила в Киеве. Жалея дочь и желая облегчить ее страдания во время развода, она пригласила ее и внуку погостить на лето к себе домой, в Киев. Сказано – сделано. Летом все равно суды не работают, и Лена, никому не говоря ни слова и не сообщив об этом Семену, с которым уже разъехались и жила отдельно с Юлией, купила билет на самолет и выехала в Киев. Паспорт у дочки был еще с прошлого года, когда супруги еще жили вместе и Семен лично подписал свое согласие в МВД на получение паспорта для несовершеннолетней дочери. О поездке же дочери за границу он узнал только через несколько дней, когда пришел в специально

оговоренный судом день на встречу с Юлией. По закону подлости, именно в этот день Семен хотел сделать Юле сюрприз и взять ее с собой вместо простой прогулки по каньону в организованную поездку в кибуц, показать, как делается настоящий цветочный мед. Домашний телефон не отвечал, мобильник закрыт, на звонки в дверь тишина.

И когда через несколько дней Лена с дочкой и бабушкой, ни о чем не подозревая гуляли по Хрещатику, на стол дежурному израильскому судье в Тель Авиве легло срочное заявление отца - о ... похищении ребенка.

Конечно мы с Семеном предполагали, что и Лена и Юля вернуться в Израиль. Развод еще не оформлен, раздел имущества не окончен. Трудно было предположить, что Лена бросит в Израиле все и откажется от положенной ей части, оставшись в Киеве. Да и Юля русского языка толком не знает. Однако суд руководствуется не предположениями, а фактами. Вердикт был молниеносный и безапелляционный. Лене предписывалось в 10 дневный срок вернуть Юлю в Израиль, что бы отец мог встречаться с дочерью в свои родительские дни.

Суд действительно постановил, что Лена похитила дочь, и последствиями ее необдуманного шага стало то, что до достижения дочери 18 лет Юля одна может выехать из Израиля, только по специальному разрешению суда.

"Похищение" - это юридическое понятие, и не нужно путать его с его словесным эквивалентом. По израильскому закону (как и по международному праву) похищение - это вывоз ребенка за пределы страны без предварительного согласия второго родителя или его невозвращение в указанный срок, прямо или косвенно мешающее второму родителю осуществлять свои права и обязанности по отношению к ребенку, в частности и встречаться с ним.

Чтобы предотвратить такие неприятные последствия, необходимо очень четко регулировать права и обязанности родителей по отношению к ребенку во время развода и после. Делается это путем письменной договоренности, которая подтверждается судьей и с этого момента становится законом для данной семьи и обязательной для исполнения.

А Лена, сточно вернувшись в Израиль, запутанная и испуганная срочными и частыми вызовами в суд и в полицию, предпочла как можно быстрее закрыть весь бракоразводный процесс и пошла на вынужденные уступки со своей стороны. Она полностью сняла претензию по совместной машине, уменьшила требования по разделу домашней утвари и подписала договор о разводе. Она была обижена. Но, кто не договаривается «на берегу» должен быть готов при разводе на любые сюрпризы.

И убил, и унаследовал ...

Мы сидим с Давидом в моем Тель Авивском офисе. Давид солдат ЦАХАЛЯ (Армии обороны Израиля). Он служит на границе с Сирией, пограничник. Будучи маленьким мальчиком он вместе с мамой приехал в Израиль. Мама была очень бойкая женщина. По современной терминологии она называлась бы бизнес-вумен. В Белоруссии она заработала большие деньги на туристическом бизнесе. И приехав в Израиль еще в 1989 году, она уже купила в центре Холона квартиру за наличные. И в Израиле продолжала работала в туристическом бизнесе.

Время шло. Жизнь вносила свои изменения. В их семье появился Эфраим, мамин друг. Давид считает, что он просто-таки *вполз* в их семью. Тихо, и сразу заполонил собой всё, как темная и душная летняя ночь перед грозой. И хотел того Давид или нет, но мать таки вышла за него замуж. Он сразу не понравился Давиду. Давид всегда считал, что мужчина в доме должен приносить деньги, а Эфраим не убивался. Работал себе сереньким служащим в больничной кассе в свое удовольствие. Свою "зря-плату" тратил практически только на себя. Денег им хватало, ведь их было всего трое, и главное, без машканы - иппатечной ссуды, которая обычно является главной статьей расхода в семьях репатриантов. Мать любила Эфраима, уж по началу то точно.

Давид в 14 лет ушел из дома. Он не признавался себе, что ушел из-за Эфраима, но в глубине души он знал, что это действительно так. Сначала это была юношеская летняя гимназия, потом курсы и потом армия. Мать приезжала к нему часто. Иногда и с Эфраимом, который всегда молчал, буравил его взглядом и курил, и изредка поддакивал матери. В какой-то момент Давид почувствовал, что мать сникла. Потух взгляд. Мать стала носить темные очки, и очень большие. Стала усиленно пользоваться макияжем на лице. Ревность Давида к Эфраиму не дала тогда ему правильно оценить всю ситуацию. Да и не мог он этого сделать правильно в силу своей юности.

Когда через почти четыре года, уже будучи солдатом, Давид стал приходить домой на выходные, то ужаснулся переменам. Квартира полностью переменилась. Уют и материнское тепло пропало. Квартира стала холодной, в прямом смысле слова. Эфраим практически не выключал кондиционер, балуя себя прохладой в израильскую жару.

Как-то однажды Давид вернулся ночью домой, без предупреждения. Мать открыла дверь заспанная и Давид увидел на ее лице старый, уже пожелтевший синяк. От неожиданности он остановился и стоял на пороге, широко раскрыв глаза, не произнося ни слова. Видно было, что и мать испугалась того, что видел Давид. Она первая справилась с собой, тихо обняла его и прижала к своей груди.

- «Ничего, сынок, ничего. Это не то, что ты думаешь. Не обращай внимания».

Но с того дня Давид перестал вообще появляться дома. Он боялся своей силы, боялся сорваться и избить Эфраима.

Сейчас Давид сидел в моем офисе и корил себя за свое бездействие. Мать госпитализировали в феврале в больницу «Вольфсон». Она скончалась через три дня от непонятных болей в животе. При патолого-анатомическом обследовании обнаружили следы давних побоев на ее теле.

Эфраим был допрошен в полиции, но через некоторое время дело закрыли за отсутствием доказательств. Мать никогда не подавала жалобу на него за побои. Внешне супруги жили очень хорошо. Множественные общие знакомые подтверждали, что при людях Эфраим был тих и скромен. Случаев насилия никто не замечал. Да оно и не удивительно. Такую грязь обычно не выносят из семьи.

Но главный удар Давида ждал впереди. Выждав несколько месяцев Эфраим подал просьбу о признании материнского завещания в свою пользу, в качестве *единственного* наследника. Оказывается, что за несколько месяцев до смерти они оба составили обоюдные завещание друг на друга, что в случае смерти одного – все без исключения имущество перейдет второму супругу.

Давид почти плакал. Как это может быть? Ведь это он бил мою мать, так, что в какой-то момент она сломалась, потухла и умерла. Так что же. И убил, и унаследовал? Где закон?

А закон говорит так, что только тот, кто признан уголовным судом виновным в *умышленном* причинении смерти завещателю или в попытке умышленного причинения смерти, может быть признан судьей как недобросовестный наследник и завещание в его пользу будет отменено.

Наверное, это дело и закрылось бы так, если бы не по истине бойцовское упорство Давида. Он собрал необходимые для ведения процесса деньги для адвокатского вознаграждения, и мы начали работать. Прежде всего я вызвал на допрос в суд адвоката, составлявшего завещание. По очень сложной юридической процедуре я добился от суда, что бы этот адвокат раскрыл адвокатскую тайну и дал ответ судье, известно ли ему о том, что кто-либо из сторон составлял другое завещание. Оказалось, что да. Оказалось, что через несколько месяцев мать одна была у этого адвоката и изменила свое завещание в пользу Давида, попросив адвоката отправить данное завещание Давиду на адрес военной полевой почты. Адвокат помнил, что дал указание секретарю послать письмо заказной почтой. По квитанции мы увидели, что по ошибке секретарь послала письмо таки домой, а не в армию Давиду. Почтовый же работник подтвердил, что данное письмо передал мужу адресанта, опознав в получателе Эфраима.

Все! Теперь круг замкнулся. Оказывается, Эфраим, ненавистный Давиду отчим, получив заказное письмо из адвокатского офиса, скрыл от суда существование более позднего завещания. А по закону о Завещаниях это уже прямое основание лишить его наследства. Ведь более позднее завещание отменяет предыдущее, а кто скрывает этот факт, то нарушает закон.

Судья опротестовал завещание в пользу Эфраима и утвердил более позднее завещание в пользу Давида. Эфраим не стал дожидаться от Давида судебного иска о выселении его из квартиры, а сам, тихо и незаметно исчез из нее, точно так же, как и появился в ней.

Каждый год, 27 июля, в день рождения матери Давида я получаю в офисе посылку – бутылку шикарного французского коньяка "Хеннеси, VSOP". Адрес отправителя на этой посылке не значится.

Но я его и так знаю. Это адрес Давида.

«Не так страшен как его малюют»

Поход в МВД для русского израильянина, к сожалению, давно уже стал притчей во языцах. Сюрпризы ожидают Вас на каждом шагу. О хамстве и враждебности работников министерства к нашему, русскоговорящему брату и говорить не приходится. А жаль. Мы ведь не враги друг другу.

Валентина, русская. После развода переехала из Ашдода в Реховот. Подальше от бывшего, да и с работой там легче для нее, и жилье чуть подешевле. С бывшим мужем она не хотела связываться вообще. Даже алименты на ребенка не требовала. Слово «суд» у нее доверия не вызывал. Валентина считала, что отец сам должен платить и помогать растить ребенка, а если не делает этого, то никакой суд не поможет. Она считала, что стыдно это бегать по судам. Классики философии всепрощения, наверное, одобрили бы ее. Наше МВД, придерживалось другого мнения.

Когда Валентина пришла в местное отделение министерства внутренних дел Реховота, чтобы вписать в удостоверение личности новый адрес, ее просто напросто ... лишили гражданства, а через несколько дней уведомили письменно, что она с ребенком должна покинуть Израиль. Не удивляйтесь. Я тоже несколько раз переспрашивал её по телефону, недоумевая происходящему. Почему? На каком основании?

Валентина была спокойна. Ровным голосом она читала мне письмо по телефону, немного коверкая израильские слова. Смысл письма был более, чем очевиден. МВД считало, что брак Валентины с мужем был фиктивный и сделан только с целью переезда в Израиль и получения израильского гражданства. На

основании этого было принято решение отменить гражданство. В течении 45 дней Валентине надлежало с её 7-летним сыном покинуть Израиль.

Валентина закончила читать и попросила встречу в моем офисе. Голос ее был ровный. Это потом я узнал ее и понял, что она в принципе никогда не плачет и не впадает в истерику, видно выплакала уже все при разводе. А спокойствие это чисто внешнее. При встрече же Валентина поведала следующее. В МВД попросили показать удостоверение личности. Ничего не подозревая, Валентина протянула служащей документ, а та, победно и зло усмехнувшись, разрежала его ножницами на глазах у обалдевшей от такой неожиданности женщины и добавила: «Все, сладкая, доигралась. Собирай свои манатки, своего сына и проваливай в свою Россию». И для убедительности даже продемонстрировала как надо проваливать, растопырила руки как крылья самолета и закатила глаза к потолку, жужжанием изображая самолет.

Только после третьего обращения в МВД, содержащее мою прямую «угрозу» немедленного обращения в международный Страсбургский суд по правам человека и хорошую «шумиху» в прессе, мы смогли получить ответ, содержащий причину лишения Валентины и ее сына гражданства. Они убеждены, что моя клиентка вышла замуж фиктивно, что бы приехать в Израиль и здесь развелась с мужем евреем. Оказывается, даже какая-то комиссия заседала по её делу и тоже пришла к выводу, что брак, якобы, фиктивный. То, что Валентина развелась с мужем после 5 лет совместной жизни и у них есть совместный ребенок, и что в Израиле они прожили 2 года – это, вроде бы не принималось во внимание. Почему – не понятно. А еще утверждали работники МВД, что при разводе Валентина не требовала от мужа алиментов, ни имущество, ничего и это тоже показатель.

О-кей. Карты сброшены. Сейчас, хотя бы понятна проблема. Это уже полдела. В Страсбург, конечно, обращаться рановато. Только если свой, внутренний Верховный суд уже откажет, то тогда, как последняя инстанция, можно обратиться и во Францию.

С нашего Верховного суда, БАГАЦа, мы и начали. В своем петиции я утверждал, что изначально брак между сторонами был заключен с истинными намерениями. У супругов даже родился совместный ребенок. Оказывается, отец ребенка, желая обезопасить себя от алиментов, и обратился в МВД с просьбой о депортации Валентины с сыном, и таким образом хотел избавиться от возможного иска на алименты.

Забегая вперед сразу скажу, что конечно, такая аргументация МВД не выдержала при первичном рассмотрении в суде. Оказалось, что вызов на комиссию для Валентины был послан ее же бывшему мужу, хотя в МВД уже знали о разводе супругов. Да и наличие ребенка очень «напрягло» судей. Не

будет же женщина специально жить 5 лет с мужчиной и рожать ребенка, только для того, чтобы получить гражданство.

Гражданство Валентине и ее сыну конечно восстановили решением суда, а МВД обязали заплатить Валентине 10,000 шекелей судебных издержек. Хотя мой гонорар был больше.

Вывод прост – как бы грозно не выглядел «противник» не задаваться, особенно, если чувствуешь правоту.

Раздел имущества при разводе при отсутствии брачного договора.

Имущество, приобретённое и накопленное супругами в браке совместными усилиями является их совместной собственностью и в случае развода делится между ними поровну. Эта простая истина является юридической аксиомой во многих странах и знакома почти всем. Но что делать, если не хочется делиться поровну? По разным причинам. Тогда идут к адвокату и пытаются опровергнуть эту аксиому.

В Израиле закон допускает такую возможность в некоторых случаях.

Так, видимо и решил поступить Сергей при разводе с супругой, которую я представлял. Его адвокат использовал все возможные и невозможные способы и ухищрения убедить суд, что именно в данном конкретном случае необходимо лишить мою клиентку ее законного права на половину совместно нажитого имущества. Ничего не помогало. Судья отклонял все требования и заявления моего коллеги, но он не останавливался и не сдавался. В самый последний момент, когда судья начал уже не на шутку злиться на все попытки моего коллеги, он сделал отчаянное заявление следующего порядка: «Так как стороны заключили брак в России, то и делить имущество необходимо по российскому закону, а не по израильскому. А по российскому праву, в данном случае, шансы моей клиентки были очень шаткие. Женились-то они еще в 50-х годах «великой эпохи строительства коммунизма», когда о частной собственности и о личных правах люди слышали только из репортажей Генриха Боровика из Америки.

На первый взгляд требования адвоката Сергея не были лишены основания. Он

ссылался на особый параграф израильского закона, говорящего, что раздел имущества при разводе супругов осуществляется по условиям их договора, подписанного ими при вступлении в брак, так называемого брачного контракта. А если такового не существовало, то необходимо рассматривать брак супругов как общий договор, на который распространяется общие нормы права, существовавшие на территории той страны, где они поженились. Помню, судья аж крикнул от удовольствия, услышав такую сложную юридическую конструкцию, видимо предвкушая для себя серьезную аналитическую работу, а не банальное вынесение решения - половину на половину.

Ход мыслей судьи я понимал, но и понимал, что на меня тоже свалилась серьезная проблема. Придется все новогодние каникулы проводить в поисках особых прецедентов по данному вопросу.

У нас в Израиле прецедентное право. Это значит, что Верховный суд дает толкование закона, которое обязательно для исполнения всеми нижестоящими судами. И если я смогу найти соответствующий прецедент в свою пользу, то я и выиграл дело. Нужно только убедить суд, что предлагаемый прецедент соответствует нашему случаю. И я начал искать в сборниках прецедентов Верховного суда похожее дело. Долгие поиски увенчались успехом. Я нашел прецедент, в котором несколько лет назад Верховный суд постановил, что если супруги поженились в Ираке, но репатриировавшись в Израиль не сделали между собой брачного договора и приняли, посредством поведения законы Израиля, и продолжали накапливать и приумножать свой капитал уже по израильским законам вместе, то необходимо распространить на них законы Израиля, а не Ирака. А какая разница между Иракским браком и российским, спросил я себя? Разница, конечно, может и есть, но не с точки зрения закона об имуществе супругов.

Данный прецедент я и послал судье, утверждая, что при переезде и после репатриации супруги не составили между собой специальный договор о имущественных взаимоотношениях, следовательно, они согласились, что на них распространиться израильский закон.

Судья согласился с моим решением этой проблемы и принял решение распространить на нашу пару принцип израильского, а не российского права и разделил имущество супругов поровну. Ура, я попал в историю израильских прецедентов, а моя клиентка получила причитающуюся ей половину

имущества.

За вычетом моего гонорара.

А израильская аксиома про нас, адвокатов- «семейников» вновь подтвердилась, что мы делим имущество супругов пополам: - половину супругам, а половину адвокатам.

«Дочки – матери» или какие условия разрешены в завещании

Сестры были погодками. И очень красивыми. Даже в свои 50 с хвостиком и даже в суде, где людям не до соблюдения внешней красоты. Обе привыкли к всеобщему вниманию и восхищению и не привыкли себе ни в чем отказывать. Первый спор разгорелся между ними по поводу завещания тетки. Завещание было написано очень «коряво», невозможно было понять кому и что завещано. Они начали судиться, сначала легко, вроде даже как в шутку, без взаимных обид и оскорблений, интеллигентно. Но дальше – больше. Как только Эстер стала понимать, что проигрывает, забыла о правилах приличия напрочь. Да и Алона не отступала. Суд длился годами и конца не было видно. Сестры досудились до того, что и смотреть друг на друга уже не могли, а обращались между собой не иначе, как оскорблениями. А после этого суда вообще разъехались. Эстер с семьей в Австралию, а Алона со своей семьей в Швейцарию. В Израиль приезжали только короткими визитами и так, что бы не дай бог встретиться вместе на какомнибудь семейном торжестве. Мать страшно переживала ссору детей. Что только не предпринимала, что бы помирить, но ничего не помогало. Наверное, мать боялась, что и за ее завещание начнутся споры и ссоры. По этому публично, на одном семейном торжестве заявила, что делит все свое имущество поровну между дочерьми.

А через пару дней пошла к адвокату и в присутствии двух свидетелей оформила завещание, как и обещала – 50 на 50 между двумя дочками.

Однако после смерти матери было обнаружено её другое завещание, более позднее. На листке бумаги мать от руки написала, что все недвижимое имущество, квартиру и магазин – оставляет австралийской дочери, как менее устроенной и более многодетной, а деньги в банке швейцарской. Если же швейцарская дочь подаст протест по поводу второго завещания, то она

полностью лишиться своей доли. Это дело побило все рекорды израильского судопроизводства. И длилось полных 5 лет.

Швейцарская дочь естественно подала протест по поводу второго завещания матери и утверждала, что видимо австралийская сестра смогла слезами и обманом склонить мать на свою сторону и убедила ее изменить завещание в свою пользу. Так же «швейцарка» утверждала, что условие матери, по которому она теряет все, если будет оспаривать и отстаивать свои права в честном суде является незаконным условием, противоречащим общепринятым нормам поведения и по этому надо отменить полностью второе завещание и оставить в силе первое. Суд первой инстанции принял это утверждение. Действительно в законе о наследованиях есть такой параграф, который устанавливает, что распоряжение завещания, исполнение которого незаконно, аморально, или невозможно – недействительно. Судья первой инстанции постановил, что право каждого потенциального наследника оспаривать завещание в суде и, в случае, если его лишают этого права, то это незаконно.

Дело перешло в Верховный суд, который отменил решение предыдущего суда и оставил в силе второе завещание.

Такие протесты слушают в верховном суде составом из трех судей. Каждый из них пишет свое мнение-решение, причем каждый последующий начинает писать после того, как предыдущий уже вынес свое. Это дело запомнилось в практике еще и тем, что в нем три судьи дали различные мнения, но все трое пришли к одному и тому же конечному результату. Такое редкость и поэтому заслуживает внимания.

Все трое судей пришли к однозначному выводу, что данное условие завещания является таки законным и не нарушает прав наследников.

Каждый по своему, но все трое судей пришли и к другому выводу, что при исполнении завещания первостепенное, на что должен суд обратить внимание - это соблюдение воли покойного, так как он решил и указал. И если кого то ущемили в завещании, кому то дали меньше, то такова воля завещатель, которую необходимо исполнить в точности. Более того, сам закон разрешает завещателю устанавливать, что наследник может перестать быть таковым при исполнении какого либо условия или по достижении какого либо срока.

Ведь главное, почему мать написала в своем последнем завещании такое условие, было направлено на то, что бы предотвратить спор между двумя дочерьми по поводу ее наследства. Ведь мать помнила и страшно переживала то,

чем закончился суд между дочерьми по поводу завещания тетки и хотела предотвратить подобное после своей смерти.

772 א"ח 245/85 אנגלמן נ' קליין, מ"ג 1 ע' 772

Последний бастион или «ктубинские» страсти.

Многим довелось присутствовать гостями на свадьбе в Израиле. На еврейской свадьбе. Многие даже знают эту процедуру очень хорошо. Под хупой, маленькой праздничной палаткой, ребе сочетает молодых, а потом зачитывает текст брачного договора – *ктубы*, которая подписана мужем и передается молодой жене. Под аплодисменты собравшихся, среди которых, кстати, должно быть не менее 10 мужчин, уже муж провозглашает сумму денежного обязательства, которое он должен выплатить жене в случае, если захочет развестись с ней. Конечно, в эту счастливую и праздничную минуту никто и не задумывается о последствиях этой суммы. Горячие головы, желая произвести фурор на собравшихся, пишут сотни тысяч, или даже миллионы.

А тем не менее эта ктуба является своего рода «последним бастионом» для женщины, желающей сохранить семью или обеспечить себе финансовое благополучие. Умные родители даже консультируются перед свадьбой у раввинов или знающих адвокатов, что и сколько написать в ктубе, что бы бумага эта не осталась просто бумагой, а имела реальную юридическую силу.

Барух пришел ко мне через неделю после свадьбы. Свадьбы громкой, пышной, веселой. Барух улыбочивый парень, но у меня он был чернее тучи. Его молодая жена оказалась не девственна. Надо знать обычаи бухарских евреев, как важно для молодого парня, который женится в 23 года на молодой девушке, чтобы все было «как положено». Семья Баруха не смогла смириться с тем, что молодая женщина и ее семья обманули сватов и она оказалась «не чистая». На семейном совете порешили, что Барух должен развестись с ней немедленно.

Барух рассказал мне, что на него давят со всех сторон. Его семья и братья просто рвут и мечут, и требуют немедленной сатисфакции, как минимум, что бы семья жены вернула все расходы по бракосочетанию и все подарки. С другой стороны, семья жены выдвинула условие: «Хочешь гет (еврейский развод) – плати ктубу, 1,000,000 шекелей». А это уже, согласитесь, не просто возврат подарков.

В раввинском суде раввины аж скукожились на первичном заседании от такой постановки вопроса. Им-то, достопочтеннейшим, да вести разговоры на такие темы..., но иск подан и делать нечего. В иске Барух утверждал, что поскольку молодая женщина смогла обмануть всех, включая раввинский суд при проверке

..... перед свадьбой, то есть что не была замужем в частности и в том числе не была с мужчиной наедине, то и его обязательство, подписанное в ктубе, тоже недействительно. Кроме того, Барух утверждал, что написал сумму в миллион шекелей только для демонстрации своих чувств по отношению к молодой жене. А так как эта сумма в принципе не реальная и он не мог ее выплатить в момент написания, то она недействительна.

Не буду описывать и тем более «смаковать» сам процесс доказательств, как Барух доказывал в суде, что молодая жена была «порочна». Интересно другое. Барух не доказал, что его невеста была «нечиста». Но суд принял второе наше утверждение по нереальности суммы ктубы. Судьи действительно написали в своем решении, что отменяют ктубу, так как она изначально была фиктивна с точки зрения ее наполнения, то есть суммы. И это было ясно в момент ее подписания всем, включая невесту и ее родителей.

Честно сказать, это не был прецедент. Такие решения и раньше принимались провиантскими судами, но редко. Так что те, в чью пользу составляется ктуба, хорошенько подумайте, а хорошо ли это, когда возбужденный и разгоряченный юноша пишет ктубу на миллионы. Все должно быть пропорционально и реально. А «шо занатэ, то нэ здраво», то есть, что слишком хорошо, то нехорошо.

Алименты со знаком минус

Вроде бы уже начал укореняться в нашей юриспруденции факт, что алименты на ребенка можно потребовать от отца не только текущие и не только с момента подачи иска в суд, но и ретроактивные, за несколько лет назад. Впервые такое прецедентное решение Верховный суд Израиля вынес аж в 1996. Тогда Верховный суд обязал отца выплатить алименты двум дочкам за 7 лет назад единовременно. Сумма вышла крууугленькая.

По решению суда право на ретроактивные алименты существует у разведенных женщин или у женщин, живших с отцом ребенка гражданским браком. Если женщина живет с мужем в браке, то по общему правилу она не может требовать ретроактивно. Смысл прост. Если жена не требует от мужа алиментов на детей через суд, значит муж их обеспечивает. Иск подает та, которую не обеспечивают. Молчащих же жен еврейские мудрецы называют - прощающая ("мохелет"). Не исключено, что супруга не настаивает на всех своих правах через суд, желая сохранить семью и не обострять ситуацию. Такое тоже встречается, но доказывание этого лежит исключительно на ее хрупких плечах, и далеко не каждая способна выдержать это.

Другое дело - разведенная или мать-одиночка. Им терять нечего. Находи отца и требуй назад все те средства, которые потратила на содержание ребенка, если сам отец не исполнял на протяжении этих лет своих родительских обязанностей добровольно. Суд установил так же и максимальный ретроактивный срок для "взаиморасчетов" - 7 лет назад с момента подачи иска, так сказать максимальный срок исковой давности по гражданским делам.

Казалось бы все понятно и просто. Но на то мы и адвокаты, что бы пытаться оспорить истины и найти в недрах законов нестандартное решение.

Так родилось наше дело. 7-и летний срок исковой давности показался маловат одному северному адвокату. Он подал иск от имени самого ребенка на получение ретроактивных алиментов. Ребенку, правда было уже 24 года на момент подачи иска. Его адвокат утверждал, что расчёт срока исковой давности для несовершеннолетних исчисляется по другому, только с достижения совершеннолетия, с 18-летнего возраста, так как до этого с юридической точки зрения они считаются недееспособными. Ход был блестящий и поделаться с этим ничего не удалось. Ведь математика простая: $18 + 7 = 25$, а нашему истцу было только 24.

Мой клиент был в обморочном состоянии. 100,000 шекелей пешком не ходят. Именно такая сумма начинала вырисовываться в рамках нашего дела.

Но, как говорят французы - «На войне, как на войне, все средства хороши».

После долгих дум и раздумий я выдвинул встречный аргумент, что бы суд обязал отца платить алименты не за 7 прошедших лет, а только за полтора последних года, перед совершеннолетием ребенка. Аргументировал я тем, что ребенок, кроме полутора последних лет, жил с матерью и ее новым другом, и право требовать возврата ретроактивных алиментов принадлежит именно ему, другу матери, а не истцу, так как он, друг матери, учувствовал в содержании ребенка. А так как это друг не был стороной в нашем деле, то иск в этой части необходимо отклонить. Суд удовлетворил мое требование.

Безусловно, что в каждом конкретном деле защита строится в зависимости от конкретных обстоятельств. Но одно безусловно ясно. Не прячьтесь, отцы. При грамотном адвокате и соответствующем гонораре расплата может наступить и через долгие годы. Аж до достижения 25-летнего возраста ваших детей.

С другой стороны не нужно отчаиваться при получении такого иска. Нужно защищаться и спорить. Ведь истина рождается только в споре. Так что не

бойтесь оспаривать, и, может быть, с помощью вашего адвоката и вы сможете внести новое в эту сложную судебную практику и защитить свои интересы.

«Нюанс, или читайте Юргена Торвальда»

Слушалось дело по обвинению 18-и летнего парня в изнасиловании несовершеннолетней девушки. Мой клиент полностью отрицал свою вину, однако доказательств против парня было столько, что, читая дело, я мысленно жалел его. Но сдаваться я не привык.

Прокуратура такие очень любит. Доказательств море, дело шумное, с общественной точки зрения «выигрышное», ведь она, прокуратура, стоит на страже соблюдения прав несовершеннолетних. Наказание в таких делах требуют по максимуму. Но показания на бумаге это одно, а когда встречаешься с человеком в зале суда, то совершенно другое. В «живую» на допросе важно все. Малейшее неправильное действие и ты либо «пан», либо «пропал».

Перед судьей стояла молоденькая симпатичная девушка. Ей было 17 лет. Она страшно смущалась. Ей было стыдно. Прокурор играл эдакого внимательного и галантного дядюшку. Он мог себе это позволить. У него ведь дело было почти «в шляпе». Все складывалось против моего клиента. Судья тоже невольно прониклась и превратилась в заботливую бабушку, метала на меня сердитые взгляды, красноречиво говорящие, что я мешаю ей свершить правосудие и своими допросами только оттягиваю срок для вынесения обвинительного приговора для провинившегося.

В такой, скажем так, недружественной атмосфере, я начал допрос потерпевшей. Я знал, что мой клиент и потерпевшая дружили. Тимур учился на два класса старше Ольги. Он был видный парень и завидный. Многие девочки мечтали подружиться с ним. То, что он был из «неблагополучной» семьи, только добавляло ему своеобразного шарма и еще больше притягивало к нему девочек.

- Правда ли, что вы с Тимуром учились в одной школе и были друзьями ?
- начал я свой допрос. «Да, правда, Тима перешел в нашу школу 3 года назад».
- И это правда, что за месяц до предполагаемого преступления Тимур расстался с тобой, в частности из-за того, что ты куришь ?

- Тиме не нравилось, что я балуюсь сигаретками, - и скромно опустила глаза. – «Многие девочки покуривают, не я одна.»
- Были ли у вас с Тимуром интимные отношения в период, когда вы были друзьями и кто был их инициатором ?
- Тима был очень внимателен со мной. ...

И так далее и тому подобное. Все было правильно. Она отвечала как пописанному, слово в слово, как в полицейских допросах. Да, неплохо же поработал прокурор. Но что то мешало мне в ее ответах. Я ни как не мог понять что. Я старался сосредоточиться, но постоянные выпады и вскакивания прокурора с его протестами о том, что я перебарщиваю и внедряюсь в частную жизнь потерпевшей отвлекали меня. Да и судья напрягала. Она уже не просто метала взгляды, а довольно четко давала понять, что картина ей уже ясна и я, якобы, теряю время, и вместо того, что бы направить силы на смягчение приговора, трачу драгоценное время суда на повторение уже известного. В такие моменты важно не поддаваться на атмосферу зала и держаться своей линии. Я украдкой посмотрел на своего клиента, совсем сникшего, перевел взгляд на потерпевшую. Она была в ударе. Но почему мне мешает ее взгляд ? Во время всего допроса ее глаза не отрываясь следили за Тимуром.

Ба ! В этот момент меня осенило. Боже, да она же еще любит его и своим выдуманным рассказом просто мстит ему за то, что он оставил ее. Нет ничего страшнее брошенной женщины. Об этом еще в прошлом веке Юрген Торвальд писал в своей всемирно известной книге «100 лет криминалистики», описывая всевозможные мотивы преступлений.

Все. Мотив ясен. Теперь осталось показать это суду. Как ни в чем не бывало я продолжал:

- Ты обижена на Тимура за причиненную боль, за позор, за поруганную честь ?
- Да.
- Но тогда почему даже сегодня ты обращаешься к нему и называешь его Тима, уменьшительно-ласкательным именем ?
-
- Я не слышу ответа. Пожалуйста, ответь быстро. Куда пропала твоя уверенность? Ты еще любишь его, ведь правда ! И вся эта история

выдумана тобой и тщательно спланирована только для того, что бы отомстить ему и вновь привлечь к себе его внимание. Пусть даже таким способом. Теперь мне понятно, почему ты пропустила целую неделю из школы до предполагаемого преступления. Ты просто следила за Тимуром и изучала его расписание.

-

Ответ последовал слабый, несвязанный, Ольга начала оправдываться, путаться. Было очевидно, что по крайней мере часть того, что я предположил была правда.

Тимура оправдали «за недоказанностью» преступления. А многими месяцами позже, на курсах повышения квалификации ко мне подошла та судья. Она призналась мне, что действительно не придавала значения имени обвиняемого: Тимур, Тима. Она была уверена, что по-русски это одно и то же, как в иврите: Авраам, он же Ави. Никто ведь не реагировал на такой тонкий языковой нюанс, ни прокурор, ни полиция. Судья так же по секрету призналась мне, что

«Игра в налоги»

Это действительно правда, что мы, адвокаты, почти всегда советуем клиентам что первое, что необходимо сделать, это подать иск в суд. Факт подачи иска является очень важным стимулирующим аргументом для противоположной стороны, так как в суде есть жесткие сроки и инструкции ведения дела. Но единого рецепта в жизни нет, и, конечно, каждое дело очень индивидуально. Иногда случаются дела, когда принимаешь решение не возбуждать иск в суде, а решать проблему с использованием других инстанций, мобилизуя их на свою сторону с помощью знания инструкций и практики. Такие дела самые трудные. Приходится вести «сеанс одновременной игры» сразу в нескольких направлениях и с несколькими инстанциями. Один неверный шаг может свести на нет весь труд, но – таков уж наш нелегкий адвокатский хлеб.

И еще одно важное правило в жизни, которого необходимо придерживаться. Коль начал делать доброе дело, доведи его до конца, и не меняй своего решения посреди дороги.

В деле с Паулем я выбрал тактику «игры с налоговым управлением». Лиора и Пауль сестра и брат по отцу. Их отец приехал в Израиль очень давно. Своим тяжелым трудом он заработал за свою жизнь квартиру и большой участок земли в центре страны, на которой можно построить минимум две виллы. По тем или иным причинам завещание он составил на Лиору, но устно всегда говорил, чтобы Лиора позаботилась о жилье Пауля и отдала ему квартиру. После смерти

отца Лиора вышла замуж за француза и уехала жить в Лион. На этой почве они даже поссорились с Паулем, ведь отец был истинным сионистом и всей душой любил Израиль.

Брат жил в Израиле. Сначала ему не мешал тот факт, что формально квартира отца, в которой он продолжал жить, официально оформлена на сестру. Да и Лиора неоднократно обещала, что выполнит волю отца и отдаст квартиру Паулю. У Пауля даже были письма Лиоры, в которых она прямо писала, что квартира достанется ему. А в свой последний приезд она даже подписала ему безвозвратную декларацию - обещание, что отдаст эту квартиру. Однако Пауль чувствовал, что их отношения с Лиорой портятся, в особенности под влиянием ее французского мужа. Пауль ясно сознавал, что может произойти, если в свои 50 лет он останется без своего крова.

Чисто с юридической стороны то, что сделала Лиора это обязательство сделать подарок. Это не шутки. Это юридическое действие, защищенное законом и, если оно сделано письменно, то есть очень серьезное основание, что в случае, если дающий заупрямится или захочет отказаться, суд удовлетворит иск получателя подарка.

Лиора и не упрячилась, но захотела избавиться от двух своих израильских недвижимостей одновременно. А в этом случае на одно из них накладывался бы налог, который по общему правилу платит продавец или одаривающий.

Продавец, то есть Лиора, может воспользоваться освобождением от уплаты налога, но такой льготой можно пользоваться только раз в четыре года. Лиора, естественно не хотела ждать, хотела продать землю немедленно и заявила, что использует эту льготу при продаже земли, она ведь дороже. А Паулю поставила условие: «Если хочешь квартиру – плати за нее налог сам!» Налог в этом случае получился почти 50,000 долларов. А это, согласитесь, уже трудно назвать подарком. Да и отношения между ними расстроились совсем. Пауль явно ощущал, что через некоторое время Лиора откажется совсем от передачи прав на квартиру ему.

Можно было побежать в суд, подать иск с требованием признать обязательство дать подарок как законный. Думаю, что такой суд продлился бы минимум года два, с учетом того, что одна сторона еще и не в Израиле, да и результат не сто процентный. Ведь в суде всегда возникают сюрпризы и неожиданности.

В данном случае приходилось искать нестандартное решение. Я решил подать отчет в налоговое управление сам, только от имени Пауля. А так как Лиора отказалась заполнить свою часть декларации, то сработало правило, - «молчишь, значит согласен на решение налогового инспектора». Была еще одна «хитрость». В бланке декларации передающий должен сам отметить, какие документы он прилагает для доказательства стоимости отчуждаемого имущества. Но ведь Лиора отказалась.

Не прошло и месяца как я получил приказ налогового инспектора, что сделка принята и Лиора, не Пауль, должна оплатить налог и штраф в ... миллион (!) шекелей. Причина такого огромного налога и штрафа – отсутствие документации и декларации со стороны передающего, то есть Лиоры. Вот так. С налогами не играют. Лиора наказала саму себя.

Дальше, как говорится, дело техники. После нескольких неудачных попыток отменить штраф Лиоры сдалась, приехала из Франции ко мне в офис и подписала все необходимые документы и смирилась с тем, что ей придется ожидать долгие четыре года, чтобы продать землю. Именно она сама, сидя в моем офисе и сказала эту фразу: «Коль начал делать доброе дело, доведи его до конца, и не меняй своего решения посреди дороги».

Когда нельзя, но очень хочется, - то можно.

Эта история грустная и началась она 5 лет назад, поздним летним вечером в 11 часов, когда наше жаркое израильское солнце уже зашло и голова медленно отходила от сумасшедших адвокатских дел, а тело лениво покоилось перед работающим телевизором. Звонок был очень лаконичный: «Здравствуйте, Ваш телефон мне дал мой товарищ, Вы здорово помогли его сыну. Мой сын арестован и находится в Абу Кабуре, а утром его уже хотят депортировать в Белоруссию. Что ? Сколько ? Да, ну хорошо. С суммой гонорара я согласен».

Вот и отдохнули. Баночка пива так и осталась неоткрытая. И хорошо, так как уже через час я парковался на пустой стоянке возле Абу Кабура, расположенной перед входом в тюрьму. Слава богу, что уже ночь. Днем в тюрьме можно просто задохнуться от жары. Игорь, к которому я приехал был улыбочив и не производил впечатление человека испуганного или сломленного. Молодость берет свое. То, что мы воспринимаем как трагедию, 18-и летние как приключения.

Итак, Игорь. Приехал в страну в 17 лет с матерью и отчимом из Белоруссии. Отчим официально усыновил Игоря перед самым отъездом. Но МВД Израйля заупрямилось и не захотела признавать это усыновление, утверждая, что сделано оно с целью фикции и только для того, что бы ввести Игоря.

В визе Игорю отказали сразу и он остался ни с чем. Сверстники были заняты всевозможными делами и разрывались между учебой, подработками и призывным пунктом. У них времени не было, а у Игоря его было хоть отбавляй. Только не было денег. А так хотелось красиво одеться, купить новые фирменные джинсы, что бы девушки не стеснялись пройтись с ним, да и вообще, в новой стране столько соблазнов и все так доступно, если родители при деле и сам можешь подзаработать копейку.

Обратились в МВД за рабочей визой, но и в ней отказали. И и тогда он решил обратиться в армию. Он всегда мечтал попасть в элитные боевые войска. Здоровье у него было не то что 100, наверное 150 %. Кандидат в мастера по

бегу. Оружие любил и «Калашникова» разбирали и собирали в слепую лучше всех в школе на уроках военной подготовки. Но и там ему отказали. Все просили теудат зеут. А у него даже и белорусского паспорта не было, ведь приехал то он в 17 лет и был вписан в паспорт матери. Отказали ему практически все и везде. Но джинсы он все таки «добыл». И его не поймали. Трое полицейских бежали за ним, но они ведь не были кандидатами в мастера, а на машинах по нашим израильским дворикам не поездишь. Второй раз был менее удачлив. Игорь просто нос к носу столкнулся в дверях с полицейским. Этот офицер пришел с дочкой в магазин и, услышав крик хозяина и бегущего прямо на него молодого парня со свертком просто расставил руки и задержал Игоря с поличным на месте преступления. А дальше как в песенке: «Его поймали, арестовали, велели паспорт показать. Паспорта нету, гони монету, монеты нет - иди в тюрьму».

Залог за Игоря внести не смогли и его решили депортировать.

Мне предстояло работать сразу по нескольким направлениям. В Верховном суде просить отсрочку депортации, а в уголовном освобождение под залог, с правом выхода на работу.

В юриспруденции как и в жизни, если чувствуешь, что твои дела плохи, то переходи в нападение. Так я и построил свою тактику. В рамках Верховного суда я обвинил МВД в том, что оно своим безосновательным отказом признать усыновление Игоря практически толкнуло его на преступный путь и тем самым «закрыло» перед ним возможность нормально абсорбироваться в стране в своей семье и призваться в хорошие войска в армию.

Чаша весов склонилась в нашу пользу и суд принял, согласно которому было решено, что если МВД не смогло доказать фиктивность усыновления, то они обязаны его принять.

Но по поводу «джинсовой» истории выкрутиться не удалось. Так и получил Игорь свой теудат зеут в тюрьме. Но сидит он уже как гражданин Израила.

Раздельный коллективизм

В далеком 92 они приехали из Украины вместе. Родители и дети. Вернее семья сына. Сам Николай всегда обладал хваткой бизнесмена и сразу понял, что лучше купить квартиру и выплачивать машканту на себя, чем «выбрасывать» деньги на аренду. Жить хотелось красиво, для этого ведь и ехали. А такая квартира, как нашел Николай, могла только сниться: два уровня, 5 просторных комнат, огромная кухня, комната на крыше и почти 50 метров самой крыши. Друзья завидовали не скрывая. Ведь на крыше и шашлычок можно сделать и просто гамак поставить. Время шло, машканту платили вместе. Однако, в нашей жизни без проблем не обходится. Тем более между «отцами и детьми». У семьи сына свои друзья, своя жизнь, у пожилых своя. Квартира, хоть и

огромная, но пратияота в ней не было. Так и пошло. Дальше больше. Начались споры, переходящие в скандалы. Хозяйки начали оспаривать кухню, мужчины телевизор. Обстановка накалялась. В один момент Николай не выдержал тяжелой психологической обстановки и съехал с женой на отдельную квартиру на аренду. Семья сына пыталась платить обе машканты, но сил хватило на несколько месяцев, а дальше не потянули.

Времена сейчас тяжелые и банк долго ждать не стал. Через 2 месяца просрочки платежей по машканте были высланы предупредительные письма ответчикам и гарантам, а еще через два месяца судебный исполнитель, по просьбе банка, назначил ответственного адвоката по принудительной продаже квартиры за невыплату машканты.

В этот момент Николай решил понять свои права. Сразу хочется отметить, что этап этот поздноват для выяснения прав. В этот период надо уже действовать и быстро, хотя, говорят, что лучше поздно, чем никогда.

А права следующие. Правами на квартиру обладают 4 совладельца, Николай со своей супругой и сын с женой, причем так как между ними не было внутреннего письменного договора о владении, то вступает общее правило, что все четверо обладают одинаковыми правами. Основное из этих правил гласит, что каждый из совладельцев квартиры в любое время вправе требовать через суд раздела имущества с целью получения своей доли, даже если остальные не согласны. Время на раздумья не было. Адвокат банка уже делал свое дело без сантиментов. Это и ввело Николая в заблуждение, который думал, что этот адвокат защищает интересы всех, и банка и их. Но это не так. Адвокат банка представляет только интересы банка, хотя и отчитывается перед судом и интерес его один, как можно быстрее продать имущество и получить свои 6% адвокатское вознаграждение от суммы квартиры.

От имени Николая и его супруги мы подали срочную просьбу в суд о приостановлении процесса ликвидации посредством банка и о разрешении продать квартиру своими силами. К чести Николая и семьи его сына надо сказать, что разум возобладал над ненавистью, которая разделяла между ними и они смогли соорганизоваться, что бы собственными силами продать квартиру, экономив огромные суммы судебных издержек. В данном случае эти издержки исчислялись в 75,000 шекелей ! Мне кажется, что это слишком высокая цена той пассивности и нежеланию бороться самостоятельно за свои права.

Мораль всей этой истории проста. Если имущество приобретено совместно двумя или более совладельцами, то каждый совладелец вправе требовать получения своей доли в любое время. А если остальные совладельцы отказываются или не могут удовлетворить его просьбу, то суд может заставить продать имущество и разделить между всеми, согласно долей. Это правило основное и распространяется на всех совладельцев, без исключения на степень родства, включая мужа и жену.

И еще совет, который Николай выучил на всю жизнь, если уж случилась, так что совладельцы не в состоянии оплачивать машканту и банк, как один из «совладельцев» требует возврата всех денег немедленно, то ждать уже нельзя и

необходимо срочно действовать самим. Надо немедленно обратиться к своему, а не банковскому адвокату, что бы он смог продать квартиру от вашего имени, а не дорогим способом через судебного исполнителя. Ведь правило здесь одно – молчишь, значит соглашаешься с действиями активной стороны. По этому необходимо всегда быть самому активным.